

Шизофрения.

Книга 1 серии «Шизофрения».

Фантастика.

© 2016 – Александра Треффер

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the copyright owner.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: alexandra.treffer@yandex.ru

Обложка и иллюстрации созданы автором. 31 иллюстрация

Веб-сайт: <http://knigi-treffer.ucoz.net/>

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Об авторе.

Александра Треффер – прозаик, поэтесса, композитор-песенник, вокалист. В её литературном активе романы, повести, рассказы в жанре фантастики и фэнтези с элементами мистики и хоррора, а также стихи, тексты авторских песен и другое.

О книге.

Если вы уверены, что наяву пережили нашествие компьютерных монстров, любили вампира, плавали под пиратским флагом и дали достойный отпор инопланетной угрозе, то это... шизофрения?

Вероника Леонова – успешный профессионал-компьютерщик и одинокая женщина, находящаяся в постоянном поиске личного счастья, после травмы обретает удивительный дар, позволяющий ей физически перемещаться в иные реальности. Там она выполняет определённые миссии, каждый раз отыскивая ускользящую вскоре любовь. Возвращаясь, Ника пишет повести о своих приключениях, публикуя их в интернете.

Героиня на собственном опыте убеждается в истинности суждений, что некая высшая сила распоряжается жизнью каждого человека, не только управляя ею, но и используя в своих интересах.

Все персонажи – плод фантазии автора.

Любые совпадения случайны.

Глава 1

Ника открыла глаза и, осмотревшись, снова смежила веки, пытаясь сообразить, где находится. Она лежала на кровати в большой комнате с серыми стенами, и первым, что ей удалось разглядеть сквозь тонкую сетку волос, были высокий потолок в ржавых разводах и стекло оконной рамы, пересечённое несколькими тонкими трещинами. Женщина хотела убрать с глаз чёлку, но не смогла, руки что-то удерживало. Кинув взгляд вниз, она увидела веревки, притянувшие запястья к железным перекладинам.

Недавно Веронике Леоновой исполнилось тридцать восемь. В тёмных волосах её уже пробивалась седина, но, несмотря на приближающуюся осень, выглядела женщина молодо. Она работала в престижной компьютерной фирме и считалась отличным специалистом, поскольку никто не чувствовал электронику так, как она. Ремонтируя и корректируя погрешности, Ника словно уговаривала технику исправиться и функционировать нормально. А та благодарно отзывалась на каждое её слово, каждое движение пальцев.

На работе Нику ценили, но личная жизнь у неё не сложилась. Имея массу поклонников, она не пожелала вступить в брак ни с одним из них, предпочтя свободу стирке грязных носков, беготне с огромными сумками по магазинам и семейным склокам. Но, как и у всякой женщины, мечта о прекрасном принце до сих пор жила в её душе.

И вот теперь она неожиданно для себя очнулась в больнице. Что произошло, и как ей «посчастливилось» сюда попасть, Ника вспомнить не смогла.

Отворилась дверь, и в палату вошла незнакомая полная женщина в голубом халате, неся на небольшом подносе шприц и подозрительного вида пузырек. Увидев, что пациентка пришла в себя, толстуха грубо произнесла:

– Ну, что, очухалась? Сейчас я тебе укол сделаю, не вздумай орать.

Кинув испуганный взгляд на пыточные принадлежности, Ника прошептала:

– Не буду. Вы только скажите, где я, и почему меня привязали?

Тётка хмыкнула.

– В психушке, где же еще. Да лучше бы приковали тебя – ненормальную, ты чуть веревки не разорвала.

С этими словами она набрала в шприц лекарство и приблизилась к озадаченной её словами Нике. Когда игла вонзилась в вену, женщина поморщилась, но перенесла операцию стоически.

– Как я здесь оказалась? – поинтересовалась она у медсестры.

– Мамаша твоя вызвала милицию и скорую. И правильно, нечего на людей с ножом кидаться, – зло и устало ответила медичка и вышла, хлопнув дверью.

Закрыв глаза, Ника задумалась. И чем дольше она размышляла, тем более сомневалась в своей виновности. Скорее всего, мать воспользовалась бессознательным состоянием дочери, чтобы освободиться от "чокнутого", по ее мнению, чада.

Ну, мама, ну, удружила! Женщина почувствовала, как в душе закипает ярость, но тотчас взяла себя в руки. В конце концов, она нормальный человек и, конечно же, сумеет с честью выйти из этой ситуации. Доказательств покушения у матери наверняка нет, и Ника со спокойной совестью может всё отрицать.

Дверь снова открылась, и в палату вошли двое рослых санитаров. Они отвязали пациентку и, не дав той размять затекшие конечности, потащили за собой. Ника не сопротивлялась, несмотря на боль. Сжав зубы, женщина внушала себе, что не имеет права на злость и страх. Она должна выглядеть спокойной и уравновешенной, и тогда, вероятно, уже сегодня ей удастся отсюда уйти. Поэтому, когда конвоиры грубо втолкнули её в небольшую светлую комнату, и Ника, споткнувшись, упала, сильно ударившись локтем, с губ её не сорвалось ни звука.

Встав с пола и отряхнув пижамные брюки, она подняла голову и увидела черноволосого мужчину лет сорока в белой рубашке, тёмном пиджаке и галстукке элегантной расцветки. Глядя на его спокойное лицо с несколько неправильными чертами, Ника подумала, что при других обстоятельствах этот человек показался бы ей

очень привлекательным. Эта мысль позабавила её, и она едва удержалась от неуместного смешка.

Кивнув на стул, объект возможной симпатии опустился в кресло и, нервным движением поправив узел под воротничком, уставился в лежащие на столе бумаги. Ника села, положив руки на колени, и вопросительно посмотрела на неизвестного.

– Давайте знакомиться, – произнёс он. – Я ваш лечащий врач, имя моё Дмитрий, Дмитрий Александрович, и мне хотелось бы выяснить, что с вами происходит. А как зовут вас?

«Вот только не пытайся меня убедить, что ты этого не знаешь», – подумала Ника.

Но послушно представилась.

– Имя богини победы, – улыбнулся мужчина.

– Вероника – несущая победу, – поправила она.

Улыбка врача стала шире.

– И как, в жизни помогает?

– Судя по тому, что я здесь, не очень, – вздохнула женщина.

Дмитрий Александрович посерьёзnel.

– Вот мы сейчас и разберёмся, нужно ли вам тут находиться. Скажите, чем вы занимаетесь?

– Пишу книги.

Психиатр удивился:

– Но в истории болезни сказано, что вы компьютерщик.

Ника пожала плечами.

– Вряд ли я попала бы в дурдом, если бы занималась только электроникой. Кроме того, одно другому не мешает: компьютеры для заработка, книги для души.

– Хорошо.

Следующая фраза подтвердила, что Дмитрий Александрович и впрямь не так плохо осведомлен, как хотел показать.

– Вы не ошиблись. Причина того, что я имею честь с вами беседовать, в вашем творчестве, – сообщил он. – Мама – Екатерина Сергеевна рассказала нам, что у вас нередко бывают приступы...

– Да, – прервала Ника, – бывают...

– ...а здесь написано, что они обусловлены раздвоением личности, – словно не заметив, что его перебили, продолжил врач. – На некоторое время вы исчезаете из

реальности, проживаете жизнь другого человека, а, вчера, что-то вообразив, набросились на мать с ножом.

Ни один мускул не дрогнул на лице женщины.

– Это неправда. Она представила доказательства?

– Нет, но я склонен ей верить, зачем матери оговаривать дочь?

Ника усмехнулась.

– Мама Катя эгоистична и с самого моего рождения требует, чтобы я жила под её диктовку. Я не прислушиваюсь, всё делаю по-своему и, вдобавок, периодически грежу наяву. А она хочет покоя и благополучия, причём не для меня, а для себя. Именно поэтому я стараюсь появляться дома как можно реже, хотя работа над книгами требует постоянного присутствия у компьютера. Но, несмотря на все её грехи, я никогда не желала ей смерти. А приступы...

Она помолчала.

– Когда они случаются, я вижу яркие, живые картинки, словно события происходят на самом деле. И, придя в себя, пишу новые повести. Возможно, это и есть раздвоение. Но, уверена, ничто из пережитого мною вне действительности не спровоцирует меня на убийство в реальном мире.

Врач внимательно смотрел на женщину, пока та говорила.

– Ника, вы публикуетесь? – спросил он.

– Нет, издательства игнорируют меня.

– И ваши произведения нигде нельзя прочесть?

Ника позволила себе открыто улыбнуться.

– Можно, конечно. В сети.

– Дайте, пожалуйста, адрес.

Дмитрий Александрович придвинул к ней ручку и чистый лист. Женщина приготовилась писать и вдруг почувствовала, как подступает то, чего она всегда желала и боялась. Тело стало лёгким, почти невесомым, мысли ясными и в то же время неоформленными, но длилось это лишь с десяток секунд, и вскоре Ника вновь очутилась в кабинете врача. Вздохнув, она склонилась над бумагой.

А мужчина ошеломлённо наблюдал, как пациентка превращается в колеблющуюся дымку, пронизанную яркими лучами, отбрасывающими на стены радужные блики. И не мог понять, мерещится это ему или происходит на самом деле. Когда Ника вернулась к обычному облику, руки врача тряслись, и он смотрел на исчерканный листок, не видя написанного.

– Я обязательно прочитаю всё, – дрогнувшим голосом сказал он. – И вот ещё что: я попрошу вас на некоторое время остаться в больнице.

Психиатр вопросительно взглянул на Нику, а ту разобрал смех, и она прыснула:

– Вы можете задержать меня силой, зачем же нужны просьбы?

Он не улыбнулся.

– Я не вижу в вас безумия, но отклонения, несомненно, присутствуют...

– Как и у всех творческих людей, – хмыкнула она.

– Да, наверное. Я не намерен с ними бороться, но, по моему мнению, обследование необходимо для вашего же блага. Вы будете жить в нормальных условиях, как вели себя санитары, даже не вспоминайте, больше этого не повторится. Считайте, что вы...

Он пощёлкал пальцами.

– В санатории.

Улыбка исчезла с лица Ники.

– Вы хотите выяснить, какова природа моих приступов?

– Да, если вы не станете возражать.

– Не стану, – серьёзно ответила она, – я тоже заинтересована в этом.

Мужчина вздохнул с облегчением.

– Ну, вот и прекрасно! Можете вести себя совершенно свободно: гулять, ходить в столовую, читать. Я поговорю с персоналом.

Когда Ника, попрощавшись, вышла, Дмитрий Александрович сел к столу и ушёл в размышления. Наконец он поднял голову и, набрав номер, сказал телефонной трубке:

– Я хотел бы побеседовать с «инопланетянином» из седьмой палаты. Что? Да, именно сейчас.

И углубился в историю болезни Вероники Леоновой.

Та же, вернувшись к себе, легла на кровать и, зажмурившись, осмысливала недавние события. А через некоторое время память перенесла её в тот день, когда она впервые оказалась за границей своей реальности.

Утром Нику ограбили, вырвали сумку. Она осталась без наличных, банковских карточек и телефона, а также всяких мелочей вроде косметички и кучи записных книжек. Но этого нападавшим показалось мало, и они стукнули её по макушке чем-то тяжёлым. Излишняя предосторожность, ведь женщина всё равно не успела их разглядеть.

Весь день, стиснув зубы, несчастная боролась с головной болью и тошнотой, подкатывающей в самый неподходящий момент, на работу не поехала, но и в больницу не пошла тоже. Впав в депрессию, Ника решила, что, если судьба сегодня умереть, то сопротивляться не имеет смысла.

В дверь позвонили. С трудом поднявшись, страдалница дотащилась до прихожей, постанывая от ломоты в спине и скрипа в коленях. На площадке стоял подвыпивший сосед, которому, наверное, не хватило дешёвого поила.

– Дай полтинник до понедельника, – приказал он.

– Ага, сейчас, – раздражённо окрысилась Ника, – ты мне с прошлого года сто рублей должен.

Пьянчуга слегка растерялся, но желание принять на грудь пересилило, и жертва алкоголизма вновь начала уговаривать:

– Да ладно, не жадничай, я тебе сто пятьдесят отдам.

– Ни копейки не получишь! – рявкнула женщина, и дверь захлопнулась.

Закрыв глаза, Ника прислонилась лбом к холодному стеклу глазка.

– Эх, Рассея-матушка, куда ж от тебя деваться? А может, тоже напиться, а?

Идея показалась хорошей.

– С утра пораньше? – насмешливо спросил внутренний голос.

– Какое утро? – вслух возмутилась Ника. – Два часа дня.

– Ладно, давай, – милостиво разрешил незримый собеседник.

Вернувшись в комнату, женщина достала заначку и, дотащившись до ближайшего магазина, купила бутылку коньяка и лимон. Расположившись на кровати, Ника с наслаждением предалась греху пьянства, закусывая благородный напиток целым цитрусом, порезать который уже не осталось сил.

Вскоре её охватила приятная истома, голова перестала болеть и, расслабившись, Ника погрузилась в дремотное состояние. Мысли лениво бродили по извилинам, вяло цепляясь одна за другую, спокойствие опустилось на плечи, потери уже не казались невозможными, и она не заметила, как задремала.

Под парусами капитана Мак-Гилла.

Через некоторое время странный плеск влился мне в уши, а постель показалась настолько жёсткой, что я заворочалась, пытаюсь устроиться поудобнее. Не добившись результата, я потянулась, разлепила сонные вежды и окаменела; передо мной расстилалось бескрайнее море. Его шум и стал причиной моего пробуждения, а сама я

сидела на песке, спать на котором, как известно, невозможно. Вытаращив глаза, я смотрела на пену ворчливого прибоя.

– Эй, ты! – послышался грубый оклик.

Ошарашенная я не прореагировала. Новый окрик прозвучал ещё резче:

– Эй ты, малец!

«Ну, это точно не мне», – решила я.

Но последующие действия владельца голоса показали, что я ошибаюсь. Жёстко встряхнув, меня подняли, повернули на сто восемьдесят градусов, и я оказалась лицом к лицу с огромным, мускулистым мужчиной, одетым в широченные красные штаны, подпоясанные того же цвета кушаком и заправленные в огромные ботфорты. Торс его едва прикрывала пёстрая жилетка, а вокруг головы обвивался вылинявший платок, из-под которого на плечи спадали засаленные локоны. Один глаз закрывал лепесток чёрной ткани.

– Откуда ты здесь взялся, мальчишка? – не меняя тона, поинтересовался живописный собеседник.

Я разозлилась.

– Какой я вам мальчишка? Отпустите меня немед...

И тут увидела свои ноги. Чёрные штаны не вызвали у меня изумления, я постоянно ношу брюки, но, приглядевшись, я поняла, что они кожаные, а таковых в моём гардеробе никогда не имелось. Удивило меня и отсутствие груди. Вернее, та была, но не третьего размера, а маленькая и почти незаметная под мешковатой рубашкой с широкими рукавами, сужающимися у запястий. Схватившись за голову, я обнаружила бандану, стягивающую собранные в тугий пучок волосы.

«А ведь пару дней назад я сделала стрижку», – мелькнула глупая мысль.

– Следишь за нами? – уронив меня на песок и до боли сжав моё хрупкое плечо, спросил полуголый великан. – Кто тебя послал?

«Я сплю и вижу сон, – решила я. – Бредовый сон. Кто меня послал? Куда? Откуда? За кем следить?»

– Наш корабль утонул, – едва шевеля языком, сказала я. – Я находился в лодке, она перевернулась, и меня, наверное, выкинуло на берег. Но, как, не помню.

Хватка ослабла.

– Вы попали во вчерашний шторм? – заинтересовался колоритный незнакомец. – Вот и мы тоже. Теперь чиним судно. Пробоины по всему днищу, что твой кулак.

«Мой? – посмотрев на свои пальцы, в очередной раз мысленно удивилась я. – Скорее твой».

И перевела взгляд на массивную кисть мужчины. Вслух же произнесла:

– Вам повезло больше, чем нам. Похоже, из всей команды спасся только я один.

Буркнув что-то неразборчивое, но явно сочувственное, собеседник погрузился в размышления.

– Ладно, пошли, – наконец приказал он, – я отведу тебя к капитану.

И двинулся вперёд. Делать было нечего, поскольку сон не прерывался, пришлось идти вслед.

– Меня зовут Джон Коу, а тебя? – неожиданно спросил провожатый.

– Э-э... Ника, то есть Нико.

– Фамилия у тебя есть?

– Наверное. Только я никак не могу её вспомнить. Я ударился головой.

– А с какого ты судна? Корсарского?

Мне пришлось вдохновенно врать:

– Судя по костюму, да. Но в памяти у меня не сохранилось никаких подробностей нашего плавания. Только эпизоды из раннего детства.

– Бедняга, хорошо тебя приложило. Ты ведь не англичанин, верно?

– Почему вы так решили? – осторожно поинтересовалась я.

– Выговор чужой. Вроде как испанский или итальянский.

Я хмыкнула. Ну, мужику виднее, он, наверное, несколько языков знает.

– Учти, – предупредил тот, – капитан испанцев не любит. Если ты один из них, без разговоров вздёрнет на *нок-рее*.

Нок-рея – поперечная перекладина на рее.

«Так, – подумала я, – бред переходит в кошмар».

И спросила:

– А как он это выяснит?

– Найдёт способ, – прозвучал краткий ответ.

Больше мы не разговаривали. Впереди замаячил корабль, рядом с которым не было ни души. Мой спутник напрягся.

– Тысяча чертей, где все? – пробормотал он.

И кинулся к месту стоянки. Мне тоже пришлось прибавить ход, и, против ожидания, двигалась я легко: ни спина, ни колени меня больше не беспокоили. Добежав до судна, Коу заметался, но внезапно остановился, прислушиваясь. Из-за холма доносились голоса и бряцание оружия.

– Дьявол! – заорал Джон.

Схватив за запястье, он потащил меня за собой, на ходу поминая разных морских обитателей и всех чертей, вместе взятых.

Когда мы вскарабкались на вершину, моим глазам предстало удивительное зрелище. С двух сторон ровной площадки стояли люди, одетые так же, как я и мой новый знакомец, а в центре образовавшегося круга находились связанный молодой человек в растерзанной одежде и двое мужчин, один из которых выглядел настоящим пиратом, а второй, благодаря элегантному камзолу, джентльменом.

Неожиданно для нас, не знавших предыстории, оба выхватили шпаги и скрестили клинки. Сцена показалась знакомой, но сопровождающий не дал мне времени вспомнить, где я могла её видеть. Дёрнув за руку, он заставил меня быстро переставлять ноги, чтобы кубарем не скатиться к подножию холма, и, скользя на осыпающемся песке, ринулся вниз.

Глава 2

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Джентльмен в чёрном пронзил противника насквозь, и, когда тот рухнул на песок, сказал стоявшему рядом небрежно одетому авантюристу:

– Думаю, это аннулирует наш договор.

И тут до меня дошло.

– *Сабатини!* – прозвучал мой восторженный вопль. – *Одиссея капитана Блада!*

«Одиссея капитана Блада» – приключенческий роман Рафаэля Сабатини о пиратах, первоначально изданный в 1922 году.

Вот это да, какой же яркий сон! Казалось, что я вижу всё наяву.

Эlegantный мужчина, только что убивший Левассера, повернулся к нам и удивлённо поднял бровь.

– Кто это? – спросил он у Коу.

– Просто мальчишка, – ответил тот. – Корабль, на котором он плыл, потонул во время шторма, а его выкинуло на берег.

– Тебе повезло, – рассматривая меня, сказал капитан.

Под его пристальным взглядом я почувствовала себя неловко и покраснела.

– Как тебя зовут? – продолжил он.

– Нико... э-э... Сабатини.

– Вспомнил? – усмехнулся Джон.

– Ага. А вы – капитан Питер Блад?

Джентльмен нахмурился.

– Блад? Это имя мне незнакомо.

Странно, во сне многое меняется, но чтобы имена персонажей...

– Меня зовут Генри Мак-Гилл, – представился капитан.

И, на тебе – шотландец. А Блад был ирландцем. Поражаясь причудам своей фантазии, я пробормотала:

– Простите, сэр, я, наверное, ошибся.

Мак-Гилл махнул рукой и обратился к Коу:

– Джон, «Викторию» мы подлатали, до *Тортуги* она продержится. Устрой мальчика, накорми, а потом разберёмся.

***Тортуга* – скалистый остров в Карибском море к северо-востоку от Навстренного пролива.**

И скомандовал:

– Судно на воду!

Началась суета. С помощью брёвен и рычагов огромную посудину сдвинули с песчаного настила, и вскоре, сидя в маленькой каюте, я, под аккомпанемент бьющихся о борт волн, жевала принесённую Джоном еду.

Как я поняла, прообразом Коу стал великан Волверстон, но, в отличие от книжного героя, его двойник оказался удивительно добродушным. Устроившись напротив меня, он глотал огромные куски, запивая их такими же большими глотками вина, и всё время говорил, вероятно, решив, что теперь в его обязанности входит развлечение гостя.

– Ты так и не вспомнил, как назывался твой корабль? – поинтересовался он.

Я покачала головой, подумав, что возродить в памяти никогда не существовавшее – дело непростое.

– Ну, ладно, какая разница, – смачно рыгнув, сказал Коу. – Останешься у нас юнгой, плавать под парусами капитана Мак-Гилла большая честь.

– У меня нет выбора, – отозвалась я. – Но я всё забыл, придётся учиться заново.

– Да какая же это наука? – удивился Джон. – Выполняй приказы и точка. И не позволяй никому помыкать собой, у нас тут разные мерзавцы попадают.

«Только этого мне не хватало», – подумала я.

А вслух спросила:

– Джон, как ты стал пиратом?

– Мы *корсары*, – поправил он, – ведь нас неофициально прикрывает губернатор Тортуги д'Ожерон. Сегодня Генри спас его племянника из лап *Шевалье*...

Корсары (каперы) – частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооружённое судно (также называемое капером, привати́ром или корсаром)...

Бертран Д'Ожерон (1613–1676) — француз, губернатор острова Тортуга, на котором представлял Вест-Индийскую компанию. Он заложил гражданские и религиозные основы жизни флибустьеров и подготовил рождение будущей Республики Гаити.

***Шевалье* – пират Левассер из трилогии о капитане Бладе.**

– Анри? – неосторожно спросила я.

Собеседник напрягся.

– Да. Откуда тебе известно его имя?

– Кто же его не знает? – притворно возмутилась я, мысленно колотя себя по губам.

И торопливо повторила вопрос:

– Так как же ты стал корсаром?

Джон нахмурился и неохотно ответил:

– Нас осудили, как бунтовщиков, принявших участие в *восстании герцога Монмута*, и отправили на каторгу, откуда нам удалось бежать. Вернуться в Старый Свет мы не могли, и решили присоединиться к *береговому братству*.

***Восстание Монмута* (в просторечии «восстание с вилами») – неудачная попытка свергнуть короля Англии Якова II Стюарта.**

***Береговое братство* – свободная коалиция пиратов и каперов, которое было активно в XVII и XVIII столетиях в Атлантическом океане, Карибском море и Мексиканском заливе.**

Больше на эту тему Коу говорить не захотел, а я задумалась. Какой странный сон: вымышленные герои носят здесь другие имена, а у исторических личностей они неизменны...

Поразмыслив, я сильно щипнула себя за руку и громко вскрикнула. Было очень больно, видение не прерывалось, а это означало, что всё происходит наяву. Холодная волна паники накатила на меня, слёзы защипали глаза, и я, как ни старалась сдержаться, расплакалась.

– Что с тобой? – встревожено спросил Джон. – Вспомнил чего? Или заболел?

– Вспо-омнил, – заикаясь, соврала я. – Во время шторма погиб мой отец, его смыло за борт.

– Ой-ёй...

Коу покачал головой, сокрушённо глядя на моё зарёванное лицо.

– Беда, парнишка. Ты теперь сирота, получается.

Подумав о своём, я закатилась ещё пуще.

– Ну, всё, всё, – забормотал Джон, несильно сжимая мою руку. – Море – оно такое, часто жизни забирает. Будь женщиной.

Я попыталась им стать и послушно вытерла слёзы.

– Надо рассказать капитану, – пробормотал Коу и, похлопав меня по плечу, вышел.

А я снова заплакала. Потом, немного успокоившись, поднялась и подошла к стоящему в углу неровному осколку зеркала.

Оттуда на меня смотрела я сама, непривычно юная, в своей реальности оставшаяся такой лишь на фотографиях. Сдёрнув с головы платок, я рассматривала спускающиеся

ниже пояса густые пряди без единой сединки, сожалея, что с ними придётся расстаться. Место юнги в *кубрике*, и мне надо выглядеть похожей на мальчишку.

***Кубрик* – единое жилое помещение для команды на корабле.**

Взгляд мой остановился на огромных ножницах, лежащих почему-то под столом. Стараясь держать их как можно ровнее, я с содроганием резала женское богатство, пока волосы не укоротились до плеч, а после, вновь повязав бандану, выпустила локоны наружу. Разглядывая себя, я подумала, что, похоже, судьбе надоело моё вечное нытьё о скуке и однообразии жизни, и она решила изменить её таким вот экстраординарным способом.

«Что ж, – решила я, – стану флибустьером: романтика, приключения и...»

И встретила взглядом с ошалевшим Джоном.

– Ты зачем, – изумлённо спросил он, – устроил здесь *цирюльню*?

***Цирюльня* – парикмахерская.**

Я спохватилась, что не уничтожила следы преступления, но поздно. Пришлось выкручиваться.

– Во время первого своего шторма я дал обет Святой Деве, что, оставшись в живых, не буду стричься ровно год, – дрожащим голосом пояснила я, – и сегодня истекает этот срок.

Коу кивнул и, нагнувшись, подобрал клочок волос.

– Одна из заповедей моряка – чистота на судне, – строго сказал он. – Немедленно собрать!

– Есть!

Я кинулась исполнять приказание, но Джон остановил меня, чтобы объяснить, где найти необходимые для уборки предметы.

– Если обидят, – добавил он, – скажешь мне. А через пару *склянок* загляни к капитану.

***Склянки* – во времена парусного флота – песочные часы с получасовым ходом.**

Кивнув, я шмыгнула за дверь, когда же вернулась, Коу в каюте не было.

Приведя помещение в порядок, я села, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись, увидела закиданную тряпичной рухлядью написанную от руки толстую книгу. Заинтригованная я потянула томик к себе и, открыв, погрузилась в чтение.

«Дон Антонио де Арагон де Лерма – адмирал военно-морского флота короля Испании, в очередной раз получивший из Мадрида нареkania за неумение справиться с неуловимым Мак-Гиллом, рвал и метал. Один за другим потопленные удачливым флибустьером испанские фрегаты навсегда исчезали в волнах Карибского моря, подвергались ограблению колонии. Испания терпела материальные убытки, а дон Антонио де Арагон моральный ущерб от сознания собственной беспомощности.»

Дон Антонио де Арагон де Лерма – герой «Одиссеи капитана Блада» дон Мигель д’Эспиноса и Вальдес

Вместе с адмиралом за капитаном Мак-Гиллом гонялся и дон Альваро де Арагон – племянник дон Лерма, которого поручил его заботам брат – дон Сантьяго, несколько лет назад умерший от тропической лихорадки. В отношениях между дядей и племянником не чувствовалось родственной теплоты; дон Антонио выполнял свой долг, воспитывая молодого человека, дон Альваро прислушивался к его советам и поучениям, но этим их общение и ограничивалось.

Дон Альваро де Арагон – герой «Одиссеи капитана Блада» дон Эстебан.

Младший де Арагон являлся полной противоположностью дяде. Он не обладал высокомерием и заносчивостью старшего, не проявлял характерной для испанцев жестокости, чужда ему была и любовь к золотому тельцу. Дону Альваро недавно исполнилось шестнадцать, и он смотрел на мир мечтательным взглядом, находя в любом его явлении красоту и романтику.

Ненависти к корсару юноша не испытывал, напротив, он восхищался этим человеком, понимая, что тот гениален, как флотоводец и воин, и пресловутая удача здесь не при чём. Его приводило в восторг и то, что Генри воевал, как джентльмен. Испанскую честь де Арагон не ставил ни во что, насмотревшись за время плавания с дядюшкой на бесчинства как грубой солдатни, так и «благородных» офицеров.

И, в конце концов, заветной мечтой юноши стала встреча с главным врагом всего испанского флота Генри Мак-Гиллом...»

«До чего поэтично, – прижав пальцем прочитанную страницу, подумала я, – Насколько я помню, в «Одиссее капитана Блада» его летопись вёл Джереми Питт. Интересно, как зовут здешнего автора?»

Снаружи раздался шум. Встревожившись, я оторвала кусок тряпки и, заложив его между листами, запихнула фолиант под сваленные горой лохмотья. И вовремя. В каюту с грохотом вломился незнакомый джентльмен удачи и уставился на меня.

– Ты кто, пленец? – поинтересовался он.

– Новый юнга, – слегка заикаясь, откликнулась я.

– Что ты здесь делаешь, и где Джон? – шагнув ко мне, спросил нежданный гость.

– Я прибирал помещение, – начиная трястись, но стараясь сохранить лицо, ответила я. – А где Коу, мне неизвестно.

Незнакомец выругался.

– И что ты расселся? – рявкнул он. – Марш драить палубу!

– Простите сэръ, но пока капитан не скажет мне, чьи приказы исполнять, я не двинусь с места, – сдерживая дрожь в голосе, независимым тоном сообщила я. – Кстати, он ждёт меня, а посему, позвольте откланяться.

И попыталась прошмыгнуть в узкую щель между косяком и вонючим телом незваного командира. Но неудачно. Тот схватил меня за шкуру, словно котёнка, и я повисла, безрезультатно стараясь высвободиться.

– Тебя ждёт Мак-Гилл? – насмешливо скалясь, осведомился недруг. – Не слишком ли много чести для ничтожной букашки?

В этот момент моя злость прорвалась. Изловчившись, я изо всех сил ударила ногой в пах негодяя, посмевавшего так со мной обращаться. Он взвыл и, в соответствии с моими ожиданиями, разжал пальцы, обеими руками схватившись за повреждённое место. А я во все лопатки кинулась наутёк.

Слыша за собой тяжёлые шаги преследователя, я ускорила бег и не заметила, как вылетела на *квартердек*, где собрались праздные корсары.

Квартердек - помост либо палуба в кормовой части парусного корабля.

– Хватайте его! – раздался рёв.

Увёртываясь от протянутых рук, я не заметила, что один из пиратов выставил ногу, и кувырком скатилась по лестнице. Не знаю, как мне удалось сгруппироваться, но я ничего не переломала, и даже ушибы оказались незначительными. Правда, подняться сразу не смогла, а ко мне, потрясая кулаками, уже неслась моя погибель. Приготовившись к серьёзным колотушкам, я зажмурилась, и... вдруг наступила тишина.

– Что здесь происходит? – прозвучал знакомый голос.

Разлепив один, а за ним и второй глаз, я взглянула вверх. Над мной стоял Мак-Гилл.

– Да вот, – грубым голосом отозвался враг, – щенок отказался выполнять мой приказ и посмел утверждать, что у вас с ним назначена встреча...

– Я, действительно, его ждал, – нетерпеливо сказал Мак-Гилл, – а ты, устроив травлю, не только помешал мальчику выполнить распоряжение капитана, но и чуть не покалечил его.

– Кто тебя толкнул? – обратился он ко мне.

На четвердеке возникла напряжённая тишина.

– Да я сам упал, – выдавила я, – споткнулся.

Едва слышный вздох облегчения донёсся до моих ушей, корсары, переглядываясь, кивали друг другу. Похоже, я произвела на них выгодное впечатление, никого не выдав.

Подбежал Коу. Он принялся ощупывать моё тело, ища повреждения, но когда руки мужчины скользнули к груди, я отвела их, заявив:

– Всё в порядке, Джон, даже синяков не останется.

Он недоверчиво посмотрел на меня, а потом, улыбнувшись, похлопал по плечу:

– Молодец! Ловок, хорошим моряком будешь.

Мне настолько понравилась его похвала, что по лицу расплылась глупейшая улыбка. А Коу обратился к пиратам:

– У этого парня во время последнего шторма погиб отец, и если вы представляете, что это значит, ведите себя с ним по-человечески.

Мне стало стыдно, и я подёргала Джона за рукав.

– Ну, зачем ты об этом? Сегодня отец, завтра кто-нибудь из них...

Тот отмахнулся и продолжил:

– Корсар с «Валькирии» сообщил, что вчера ушёл в небытие корабль достойнейшего моряка Энцо Сабатини. Это его младший сын Нико.

Меня словно ударило молнией, и я застыла с разинутым ртом. Почему? Как могла моя выдумка стать реальностью? Неужели я способна влиять на происходящие здесь события? Или это лишь невероятное совпадение?

Мысли не давали мне покоя, и я не сразу услышала, как меня окликают Мак-Гилл:

– Нико, идём. До прибытия на Тортугу мы должны решить все вопросы, связанные с твоим пребыванием на судне.

Джон взял меня за руку, и мы бодро побрели за капитаном.

Пригласив нас в каюту, обставленную со скромной, но богатой простотой, Мак-Гилл жестом предложил нам сесть и поинтересовался:

– Память к тебе не вернулась, юнга?

Я с сокрушённым видом покачала головой.

– Увы, большая часть воспоминаний стёрлась.

– Жаль. И всё равно, в первую очередь, прими мои соболезнования. Твой отец, как верно сказал Джон, был достойным моряком. Знакомство с ним я считал честью.

Вжившаяся в роль сына Сабатини я непритворно всхлипнула.

– Даже лица его не помню, – грустно доложила я собеседникам.

– Ничего, сынок, со временем всё наладится, – с сочувствием сказал Коу.

А Мак-Гилл заявил:

– Ты поступаешь в распоряжение офицеров. Учить тебя и отдавать приказы могут только они. Джон, донеси это до всей команды.

– Сделаю, Генри.

Одобрительно кивнув, капитан присовокупил:

– Что же касается морских баталий, то я категорически запрещаю тебе принимать в них участие. Свою долю при дележе ты получишь, правда, меньшую, чем у других, но я не позволю ребёнку рисковать жизнью.

– Я уже не маленький, – возмутилась я, – и хочу воевать вместе с остальными.

– Это приказ, юнга, – строго сказал Мак-Гилл.

«Фу ты, – подумалось мне, – что это меня на рожон понесло? Заигралась. Случись бой, конечно же, спрячусь, чтобы ядром не прибило».

– Генри, – сказал Коу, – во время сражения в кубрике находиться так же опасно, как и на палубе. Может, мальцу в трюм спускаться?

– Эти тонкости я оставляю на твоё усмотрение, Джон, – отозвался Мак-Гилл. – Покажи мальчику корабль, объясни, где что находится, и пусть отдыхает до прибытия на Тортугу. А там понадобятся все, и он тоже.

– Пойдём, сынок, – взяв меня за руку, сказал Коу, – я познакомлю тебя с судном.

«Всё складывается не так уж плохо», – подумала я.

И, поклонившись капитану, послушно отправилась за провожатым.

Джон водил меня по кораблю, показывая и объясняя, а я присматривалась, время от времени согласно мыча.

Наконец, мы добрались до кубрика. Там находились человек двадцать команды, к которым и обратился Коу:

– Кто ещё не знает, – сказал он, – не говорите, что не слышали, и передайте другим. Это наш новый юнга – сын погибшего вчера капитана Сабатини. Никто из вас не имеет права им командовать, он подчиняется только Мак-Гиллу и нам – офицерам. В сражениях ему участвовать нельзя, и если кто-нибудь увидит его на палубе во время боя, пусть закинет мальчонку в трюм. Это приказ. Всем ясно?

Пираты, переглянувшись, нестройно ответили согласием, а один из них, наверное, присутствовавший при моём падении, сказал:

– Да хороший малец, ребята, свой в доску. Не предатель и не изнеженный маменькин сынок. Думаю, мы уживёмся.

Джон погладил меня по голове и подтолкнул к новым товарищам. Я пожимала мозолистые ладони, терпела чувствительные похлопывания по плечам и спине и пыталась запомнить имена, среди которых, к счастью, не оказалось слишком сложных.

Наконец, черёд дошёл до моего сегодняшнего знакомца, и я протянула ему руку, приветствуя. По губам флибустьера скользнула мрачная усмешка, и мне сразу стало ясно, что он никогда не войдёт в число моих друзей. Во взгляде мужчины плескалась злоба, но, повинувшись грозному взгляду Коу, он грубо сообщил:

– Джек Смит.

И сжал мою ладонь так, что я запицала и присела, пытаясь высвободить пальцы.

– Смит, – резко прикрикнул молодой моряк, которого звали Недом, – прекрати!

– А в чём дело? – насмешливо и нарочито недоумевающее спросил тот, ещё сильнее сжимая кулак, отчего я чуть не потеряла сознание. – Мы знакомимся.

Тогда юноша, размахнувшись, нанёс ему такой удар по челюсти, что Джек, едва не утянув и меня, отлетел к переборке. Зарывав, он кинулся на приготовившегося к обороне обидчика, но Джон, резво шагнув вперёд, решительно разнял драчунов.

– Поспокойнее, Нед, – посоветовал он молодому.

И обратился к Смицу, всё ещё источающему ярость:

– А ты... если узнаю, что ты хоть пальцем тронул мальчонку, уничтожу. Понятно?

Джек молчал, пытаясь вырваться.

– Понятно?! – взревел Коу, встряхнув непокорного так, что у того клацнули зубы.

И всадил кулак ему в живот. После хука в подбородок Смит обмяк, и Джон отшвырнул его прочь.

– Это приказ, – сказал он, отряхивая ладони с таким видом, словно раздавил мерзкую гадину, – а его нарушение карается очень жёстко.

Коу двинулся к выходу, но, внезапно остановившись, спросил:

– Уяснил?

Приподнявшись и с ненавистью глядя на офицера, Смит процедил окровавленным ртом:

– Уяснил. Всё уяснил.

При мысли, что в лице Джека я обрела страшного врага, меня пробрал озноб. Да ему ничего не будет стоить выкинуть меня за борт, а потом сказать, что я свалилась сама. Придётся срочно искать друзей. И я повернулась к соседу, который, потирая разбитые костяшки, злобно смотрел на пришедшего в себя пирата.

– Спасибо, Нед! – проверещала я, протягивая руку.

– Он получил по заслугам – ответил моряк, сжав мои повреждённые пальцы так, что я снова пискнула, – поэтому, не за что.

Мы замолчали, и тут я, вспомнив об одном деликатном деле, кинулась к выходу. Нед удержал меня.

– Куда ты?

– Забыл поинтересоваться у Джона...

– Потом спросишь, – улыбнулся мой новый товарищ, – у него полно дел. А ты спать ложись, мало что ли тебе на сегодня? Вон койка свободная.

– Мне бы вымыться, – умоляюще прошептала я.

Он озадаченно посмотрел на меня и, подумав, сказал:

– Ну, пошли, я тебе помогу.

Я представила перспективу, и она мне не понравилась.

– Ты только скажи, где это можно сделать, а я уж сам.

Нед снова удивлённо на меня уставился.

– Ты стесняешься что ли?

Я предпочла признаться в этом, чем в принадлежности к женскому полу.

– Странный какой, – улыбнулся моряк, – тебе всю жизнь с мужчинами плавать, а ты собираешься прятаться, как девушка. Ладно, идём, покажу место.

Мы выбрались из кубрика, и Нед уверенно двинулся вперёд.

Глава 3

Уже стемнело, и корабль освещался только развешенными кое-где фонарями. На палубе в крошечной тьме, что меня вполне устраивало, стояла огромная бочка.

– Кажется, сегодня никто туда не нырял, – с сомнением сказал проводник. – Справа посудина с пресной водой, искупаешься, облейся, а то соль съест. Дорогу назад найдёшь?

Я кивнула.

– Ну, тогда я пошёл.

– Спасибо!

– Да ладно, – засмеялся Нед и исчез во мраке.

А я разделась и забралась в тёплую воду. Белья на мне не оказалось. Гадая, куда оно могло деться, я избавилась от солевого налёта и натянула одежду. Ботфорты воняли. Вымыв их изнутри и поставив проветриваться, я села на сухой пяточок палубы.

С квартердека донеслись голоса, и я наострила уши. Говорили капитан, Джон и ещё двое незнакомых мне моряков.

– Я думаю, Генри, – вещал Коу, – мы должны избавиться от француза. Ни нам, ни команде он не внушает доверия.

– Он прав, – подхватил чей-то тенорок, – бретонец труслив и, случись что, бросит нас на произвол судьбы.

Бретонцы – народ, живущий в области Бретань на северо-западе Франции.

Прозвучал смешок Мак-Гилла.

– Друзья, – возразил он с весельем в голосе, – для нападения на *Маракайбо* нужны как корабли с пушками, так и люди. Только с «Амелией» и отремонтированной ненадёжной «Викторией» мы не справимся. Сто двадцать человек команды *Готье* и тридцатипушечная «Валькирия» станут хорошим щитом, если что-то пойдёт не так.

***Маракайбо* – город на северо-западе Венесуэлы.**

Жак Готье. Прообраз его в «Одиссее капитана Блада» – бретонец Каузак.

– Ты капитан, Генри, тебе и решать, – снова вступил в разговор Джон, – но не говори потом, что мы тебя не предупреждали.

– Не скажу, – отозвался Мак-Гилл.

Послышались удаляющиеся шаги, чей-то хохот, и воцарилась тишина. А я, натянув высушенные тёплым ветерком сапоги, направилась в кубрик.

Команда, не считая вахтенных, спала. На ощупь пробираясь к своей койке, я наступила на руку развалившегося на полу человека, заработав солидный тычок от дышащей перегаром жертвы. Охнув от боли, я шарахнулась в сторону и шлёпнулась на спящего рядом моряка. Тот, подскочив, заорал, я подхватила, и через несколько секунд стояла, как выяснилось потом, под направленными на меня дулами пистолетов товарищей. Кто-то зажёл фонарь, и я увидела искажённые страхом и злобой лица неожиданно разбуженных пиратов.

Разобравшись, кто перед ними, они успокоились, оружие исчезло так же быстро, как и появилось, а сидящий флибустьер по имени Дик недовольно проворчал:

– Юнга, ты с ума сошёл? Не успел появиться на судне, а уже безобразничаешь. Нечего шляться по ночам!

– Простите, – покаянно сказала я, – но я не ожидал, что кто-либо ляжет спать на полу. И нечаянно наступил.

– Кто спит на полу? – заинтересовался старый морской волк и, отобрав у соседа фонарь, подошёл к храпящему оригиналу.

– Тайлер, скотина, – взревел он, – опять напился! А завтра на вахту выйти не сможет.

И пнул того в бок, что не вызвало никакой реакции, кроме нового взрыва храпа. Дик ещё раз яростно толкнул провинившегося и позвал:

– Джейсон, помоги-ка вытащить эту бочку с ромом наружу. Окунём его в воду пару раз, чтобы протрезвел.

Из толпы вышел человек, такой же крепкий и коренастый, как Дик, и оба, подхватив расплывшегося пьяницу под руки, поволокли того прочь из кубрика. А остальные хмуρο разбрелись по койкам.

– Нико, – услышала я знакомый голос и пошла на зов.

Нед, похоже, видевший в темноте лучше, чем я, схватил меня за руку и помог забраться в качающийся гамак. Я поблагодарила и, скорее, почувствовала, чем увидела, как он кивнул. Через минуту товарищ шёпотом поинтересовался:

– Ты из образованных?

– Что?

Я растерялась.

– С чего ты взял?

– Ведёшь себя так... вежливо.

Его слова заставили меня призадуматься, и я осторожно сказала:

– Наверное, это врождённое. Само получается.

– А-а...

Казалось, мой ответ его полностью удовлетворил и, похлопав меня по руке, Нед отвернулся и вскоре засопел. Но мне не спалось. Сейчас у меня появилось время, чтобы обдумать услышанное на четвердеке. В не единожды перечитанной мною книге говорилось, что поход на Маракайбо чуть не стал для Блада роковым, но изобретательный капитан сумел вырваться из расставленной мстительным испанским адмиралом ловушки, вернувшись на Тортугу с деньгами и славой.

Правда, Мак-Гилл отличался от своего литературного двойника недюжинным упрямством. Трое офицеров, предчувствуя подвох, советовали ему избавиться от француза, но натолкнулись на сопротивление. А ведь именно из-за глупости и недисциплинированности Готье капитан и угодит в сети испанцев. Мало того, в критический момент беспринципный авантюрист предаст товарищей. И это известно только мне. В ходе размышлений у меня родилась идея использовать эти знания себе во благо, и на этом я поставила точку.

Потом, вспомнив о рукописной книге, я задумалась, а совпадают ли события в этом мире с придуманными Сабатини? Ведь, судя по хронике, испанский адмирал гонялся за

Бла... то есть Мак-Гиллом вовсе не из личных счётов, и племянник его был совсем не таков, как в первоисточнике. Да и губернатор Тортуги д'Ожерон здесь не имел дочери, а Анри приходился дядей...

Решив выяснить подробности позже, я, наконец, успокоилась и погрузилась в сон.

Утром меня разбудил безнадежно фальшивый свист. Пару минут послушав его с закрытыми глазами, я взвилась с намерением высказать всё, что думаю, терзавшему мои уши палачу. Но это оказался Нед, с которым мне совершенно не хотелось ссориться. Стоя рядом с койкой, он начищал ботфорты до блеска. Молодой человек вырядился так, что я не могла не поинтересоваться:

– Что это ты такой... разодетый?

Тот обернулся и хохотнул:

– Собираюсь покорять красавиц Тортуги.

– О!

Я улыбнулась. Неожиданно в памяти всплыл ночной разговор, и я пересказала его товарищу. Моряк задумался.

– Значит, они решили не отказываться от услуг француза, – растягивая слова, произнёс он. – Зря, ненадёжный он человек. И в команде у него никакой дисциплины. Готьё, конечно, не капитан Шевалье, но та ещё гадина.

Помолчав немного, Нед сказал:

– Знаешь, это плохая новость, но нас эти дела не касаются, офицеры сами разберутся. Давай-ка, собирайся на берег, перед походом надо развлечься.

– А что мне собираться? – сказала я, грустно осматривая свой наряд. – У меня всего имущества – я, да эти тряпки.

Нед посмотрел на меня, как на умалишённую.

– Ты понимаешь, что говоришь?

И постучал пальцем по виску.

– Твой родитель был довольно удачливым корсаром, и наверняка ты – обладатель солидного наследства. Сейчас пойдём и выясним.

Струсив, я принялась отнекиваться. В конце концов, даже если некий пират Сабатини и существовал, это не делало меня ни его сыном, ни даже дочерью. Попытка откеститься от «отцовских» капиталов не удалась, и, с трудом принаравливаясь к широкому шагам Неда, я засеменяла вслед.

По дороге нам попался Коу, распоряжавшийся переноской грузов.

– Решили посухопутничать? – весело спросил он.

– Да, – ответил Нед, – если ты не против. Хотим поинтересоваться наследством капитана Сабатини.

– О, правильно, – довольным тоном произнёс Джон, – парнишку надо приодеть. Да и, вообще, деньги лишними не бывают.

И, погладив меня по голове тяжёлой ручищей, ласково сказал:

– Иди, сынок, погуляй, ещё успеешь наработаться. Капитану я доложу.

Он ушёл руководить, а Нед и я по шатким сходням спустились на берег.

Пока мы шли к дому губернатора, моего спутника не раз останавливали, здоровались, делились новостями. Нередко обращались и ко мне, называя по имени и выражая соболезнования сыну Энцо Сабатини, что, в конце концов, привело меня в состояние душевного остоленения и прострации.

Пришла в себя я от испуганного голоса Неда. Поддерживая меня одной рукой, другой он пытался откупорить фляжку с ромом, чтобы влить пойло мне в рот. Увидев, что я открыла глаза, товарищ облегчённо вздохнул.

– Какой ты слабенький, Нико, – посетовал он. – Обязанности на корабле будут тяжелы для тебя.

– Я потому и пошёл юнгой к отцу, чтобы стать мужчиной, – солгала я.

Нед с уважением посмотрел на меня и хлопнул по плечу.

– Молодец! При таком настрое у тебя всё получится.

Губернатор не смог или не захотел нас принять, и мы беседовали с его секретарём. Тот без лишних разговоров и проволочек вручил мне увесистый, звякающий мешок и назвал общую сумму наследства. Цифра оказалась так велика, что глаза мои вылезли на лоб. Нед тоже выглядел потрясённым.

– А ты, оказывается, богач, – удивлённо глядя на меня, сказал он. – Но неужели ты не знал, что владеешь такими деньгами?

– Понятия не имел, – пожав плечами, ответила я. – Отец не отчитывался передо мной за прирост нашего состояния.

И продолжила вдохновенно врать:

– Но он всегда говорил, что не хочет повторения своей судьбы для сыновей и намерен отправить нас обратно в Италию.

Неожиданно мои слова подтвердил секретарь д'Ожерона мсье Лероа. Он сообщил, что Энцо, в отличие от других корсаров, не тратил ни одного *луидора* ни на пьянство в

тавернах, ни на женщин, а всё до гроша отдавал губернатору, чтобы тот мог пустить эти деньги в оборот.

Луидор – французская золотая монета XVII—XVIII веков.

– Капитан Сабатини, юноша, – сказал француз, – пёкся только о детях, мечтая о лучшем будущем для вас. Учтите это и подумайте хорошенько, как лучше распорядиться тем, что вам досталось.

Попрощавшись с мсье Лероа, мы вышли. Голова моя походила на котёл под давлением, готовый взорваться. Как? Почему моя бредовая история стала явью? Всё, что я придумывала, воплощалось в жизнь и шло мне на пользу. С такими деньгами я могла уехать прямо сейчас и до конца своих дней не заботиться о хлебе насущном.

Посмотрев на хмурого Неда, я взяла его за руку.

– Ты сердишься на меня?

Голос мой прозвучал жалобно. Моряк вздрогнул.

– Да что ты, Нико, с какой стати?

– Но ты так мрачен...

Ответ меня удивил.

– Наверное, теперь ты покинешь Тортугу. А я привык к тебе, малыш, всегда тяжело терять привязанности.

Я смотрела на него во все глаза. Когда Нед успел ко мне прикипеть, если мы знакомы лишь сутки? По-видимому, под привлекательной, хотя и несколько грубоватой, телесной оболочкой юноши скрывалась тонкая и чувствительная душа, раз он так скоро сумел полюбить человека. На меня накатила волна тёплых чувств к нему, и я успокаивающе произнесла:

– Но я пока никуда не собираюсь. Сначала Маракайбо, а потом поглядим.

Нед встрепенулся и заулыбался, а я залюбовалась его ожившим лицом, забыв, что при сложившихся обстоятельствах не имею права быть женщиной.

– Стоп! – мысленно осадил я себя. – Ты собралась влюбиться? Тебе мало отрицательного опыта в прошлом? Он твой друг, коллега, и точка.

Однако мысли, как обаятелен Нед, как, должно быть, сильны его объятия, нежны прикосновения и сладки поцелуи, никак не хотели меня оставлять. И неизвестно, к чему привели бы эти размышления, если бы я не споткнулась и не растянулась на камне, рассадив ладони в кровь.

– Да что же ты неуклюжий какой, а? – подняв меня, проворчал Нед. – Как ты по вантам лазил с такой-то удачей?

Ванты – снасти стоячего такелажа, укрепляющие мачты.

Он достал фляжку и, не обращая внимания на моё нытьё, осторожно промыл кровоточащие раны и повёл меня к ближайшей лавке готового платья. Выйдя оттуда несколько похожей на капитана Мак-Гилла, я улыбнулась спутнику.

– Ну, что, идём покорять красоток Тортуги?

Нед засмеялся.

– Тебе рановато, – сказал он весело. – Пошли в таверну, я научу тебя пить ром.

– Научишь меня?

Я презрительно фыркнула.

– Я сам дам любому сто очков форы.

– Посмотрим, – снова хихикнул товарищ.

И вразвалочку двинулся вперёд. А мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

В старинном кабаке было шумно. Авантюристы разных мастей, одетые и как джентльмены, и как *лаццарони*, заглатывая огромные порции спиртного, хвастались своими сказочными подвигами. Осторожно отодвинув размахивающего руками верзилу в растерзанной рубашке, Нед провёл меня к дальнему столу, где сидел изысканно одетый худой человек с вытянутым, унылым лицом, выглядевший на фоне веселящихся оборванцев настоящим аристократом.

***Лаццарони* (от итал.) – нищие, босяки.**

– Приветствую вас, мсье Соррель, – сняв шляпу, поздоровался молодой моряк. – Какая нелёгкая занесла вас в эту обитель греха?

– Стремление познать всё, мой друг, – скучным голосом сообщил тот. – Но я, собственно, хотел поговорить с Генри Мак-Гиллом.

Нед удивлённо рассмеялся.

– Капитан никогда не бывает в подобных местах. Чтобы встретиться с ним, вам надо подняться на борт «Амелии».

– Это будет неразумно, – ответил Соррель. – Я намерен сообщить ему нечто важное под строгим секретом, и видеть меня не должен никто.

Моряк почесал затылок.

– Ну, под покровом темноты...– нерешительно начал он.

– Исключено, – перебил собеседник. – Мне нельзя появляться на судне.

И, резво вскочив, кинулся к выходу, а мы с Недом проводили его недоумевающими взглядами. Пожав плечами, товарищ сел за стол и велел подбежавшей девушке принести бутылку горячительного.

– Ну, а теперь поглядим, – сказал он с хитрой ухмылкой, – как ты меня оставишь.

Что-что, а пить я умела, недаром неумеренное потребление алкоголя давно стало частью российского менталитета. Поэтому через полчаса, когда Неда уже штормило, я сидела с абсолютно трезвым видом и, насупившись, прихлёбывала отвратительный на вкус напиток. Изумлённый моряк долго косился на меня, потом, поднявшись, постоял, пытаясь удержать равновесие, рухнул обратно и, уронив голову на руки, заснул. А я растерялась, не представляя, как потащу приятеля к кораблю.

И тут увидела Коу, вынырнувшего из волн бушующего моря корсаров. Я окликнула его и по глазам поняла, что разыскивал Джон именно нас. Пробравшись к столу, он растолкал и поставил моего спутника на ноги, кинув мне:

– Идём. Вечером мы отплываем.

– Уже? А как же ремонт «Виктории»?

– Её полностью залатали.

Я молча побрела за великаном, на чём свет стоит ругающим Неда:

– Мальчишка, – бурчал Коу, – молоко на губах не обсохло, а туда же – ром глушить.

Тысяча чертей, на что ты теперь годеи?!

А юноша, вздрагивающий от нехоти напавшей икоты, только жалко улыбался в ответ.

– Не ворчи на него, Джон, – попросила я. – Он выспится и придёт в себя.

– Чтобы выйти в море, нам понадобятся все руки, – кисло отозвался флибустьер, – а щенок лыка не вяжет.

– Это я виноват, предложил ему пить наперегонки.

– Что?!

Коу даже остановился.

– И почему ты на ногах?

– Меня не берёт. Опыт, – усмехнулась я.

Моряк остолбенел.

– Да какой у тебя может быть опыт?! – взвыл он, придя в себя. – Ты же младше него...

– При чём тут возраст? Я учился, – последовало возражение.

Хмыкнув, Джон двинулся дальше, бормоча:

– Дурак, вот дурак!

Говорил он, конечно, не о себе. Вскоре в тяжёлом молчании мы ступили на палубу «Амелии».

Глава 4

Почувствовавшая чей-то пристальный взгляд Ника вынырнула из воспоминаний и, открыв глаза, увидела тощего мужчину в пижаме. Она села в кровати.

– Что вам нужно?

– Тсс!

Подойдя к двери, визитёр закрыл её. Ника испугалась.

– Я буду кричать, – сказала она дрожащим голосом.

– Зачем? – удивился незнакомец. – У меня нет намерения вас обидеть. Я пришёл познакомиться и узнать, к какому биологическому виду вы относитесь.

Ошарашенная женщина, вытаращив глаза, смотрела на собеседника.

– Меня зовут Ника, и я человек.

Выговорилось это с трудом. Лицо неизвестного выразило разочарование, а женщина, присмотревшись, поняла, что в его облике показалось ей странным. Пришелец был неестественно высок, настолько, что пижамные брюки, по-видимому,

самого большого размера, доходили ему до середины икры, а рукава куртки до локтя. И очень худ, но худоба эта не казалась болезненной.

– Снова человек, – сев на краешек стула, проныл он. – А мне казалось, что в сумасшедшем доме можно встретить представителей разных видов: вампиров, оборотней, магов, наконец. Но, похоже, я ошибался. Правда, говорят, что в седьмой палате заперт инопланетянин...

– А вы сами-то кто? – поинтересовалась Ника.

– *Некромант*. Сюда я попал случайно, вероятно, в тот момент, когда душа моя находилась среди мёртвых.

***Некромант* – маг, манипулирующий энергией смерти.**

– Вы в своём уме? – резко спросила женщина. – Что за бред?

Гость поднялся.

– Не понимаю я вас, – направившись к выходу, грустно произнёс он. – Обладая способностью посещать страну невыдуманных историй, вы почему-то не верите в сверхъестественное и потусторонний мир.

– Откуда вы...

Но необычный посетитель уже исчез, оставив после себя слабый запах свежескопанной земли. Скатившись с кровати, Ника выбежала в коридор, но не увидела там никого, кроме двух беседующих медсестёр. Не решившись обратиться к ним с вопросом, женщина снова легла и задумалась.

Собеседник назвал события её призрачной, как иногда казалось, жизни невыдуманными. Странно, откуда он об этом знает?

Мысли цеплялись одна за другую, уводя Нику всё дальше от неприглядной действительности, и вскоре память перенесла её на три года назад.

Женщина шла по тёмному переулку, оглядываясь и шарахаясь от теней, отбрасываемых открытыми дверями и мусорными баками. В мистику она в то время не верила, поэтому боялась не мифических чудовищ, а людей, которые могли скрываться в обрамлённых мраком провалах подъездов и за углами домов.

Когда ей осталось сделать несколько шагов, чтобы выйти на ярко освещённую улицу, с перекошенной скамейки поднялся тёмный силуэт. Возможно, Нике померещилось, но там, где у нормального человека находятся глаза, у незнакомца

светились две яркие красные точки. И ещё ей почудилось, что во рту мужчины блеснули два длинных клыка.

Закричав, Ника кинулась бежать, оставив ужасное видение позади.

Каргейр.

Прошлое.

Мальчику не спалось. Он лежал в кровати, глядя на плотно занавешенное чёрной тканью окно. Каждое утро мама закрывала шторы, не давая ни единому лучу солнца проникнуть внутрь. А ребёнку так хотелось выбежать наружу, постоять под золотистым ливнем, любуясь ярко-голубым небом, поиграть со сверстниками. Но вместо этого он дремал, а пробудившись, выходил в ночь, полную зловещих тайн и теней, скользящих от дома к дому.

– Ты снова пренебрегаешь отдыхом?

Подросток открыл глаза. У кровати стоял отец.

– Папа, – спросил ребёнок, – скажи, почему мы должны спать днём и бодрствовать ночью? Почему я не могу ходить в школу? Почему, наконец, я должен охотиться на людей? Ведь они, как и мы, имеют право жить.

Мужчина строго посмотрел на сына.

– Ты задаёшь слишком много вопросов и чересчур много размышляешь, – сердито сказал он. – Всё происходит так, а не иначе, потому что подобное поведение диктует нам наша природа. Перестань выпрашивать и делай, что тебе приказывают, иначе ты подвергнешься суровому наказанию, как и другие наши слишком любопытные собратья.

– Кто меня накажет?

– В первую очередь, я, а потом... Спи!

Развернувшись, отец вышел, а ничего не понявший мальчик вздохнул. Конечно, он следовал правилам, принятым в их общине, но всё чаще задумывался, зачем. Почему надо жить именно так, и почему никто не пытается ничего изменить?

Вновь испутив тяжёлый вздох, подросток повернулся на бок. Усталость взяла своё, ребёнок заснул и видел в грёзах сияющий небосвод и яркое солнце.

Настоящее.

В панике выскочив на улицу и пытаясь сообразить, где очутилась, я вдруг почувствовала, как руки мои скрутила в узел неодолимая сила. Повернув голову, я завопила, встретившись взглядом с двумя огненно-красными провалами глаз, пылающих на лице незнакомого человека. Но особенно меня напугали длинные зубы, в доли секунды выросшие из его дёсен.

«Господи, это же вампир! – подумала я в ужасе. – Но этого не может быть, их не существует!»

Но, стоило ли отрицать очевидное, они очень даже существовали, и через секунду клыки монстра коснулись моей шеи.

– Проголодался? – прозвучал насмешливый баритон. – Не многовато ли за одну ночь?

Скосив глаза, я увидела молодого, лет тридцати с небольшим, светловолосого мужчину в чёрном, наглухо застёгнутом френче и такого же цвета брюках и обуви. Во мне вспыхнула надежда на спасение, потому что мой обидчик ослабил хватку.

– Каргейр! – пробормотал он глухо.

Голос его дрожал. Избавитель шагнул вперёд.

– Третья жертва за час – это слишком. Покажи мне разрешение, – угрожающе произнёс он, – хотя я очень сомневаюсь, что оно у тебя есть.

– Я не обязан подчиняться твоим требованиям, – отпустив меня, неожиданно визгливо закричал грозный кровопийца. – Ты изгой, и тебя никто не уполномочивал контролировать наше меню.

– Глупец, – презрительно сказал человек, звавшийся Каргейром, – то, что излишества вредны всему сообществу осознал даже ваш деградировавший Совет, не зря он ввёл ограничения на потребление человеческой крови. Но я не стану ждать, пока тебя накажут свои...

Он сделал лёгкое, едва заметное движение рукой, в воздухе что-то сверкнуло, и монстр, захрипев, осел на землю. Вокруг разлилась ужасающая вонь, тело вампира разложилось в считанные секунды.

Я, тарачившаяся на пузырящиеся останки, вздрогнула от прикосновения холодных пальцев, стиснувших мою ладонь.

– Пойдём, – приказал спаситель.

– Что вам от меня надо? – слабым голосом спросила я.

Он пожал плечами.

– Ничего. Я лишь хочу уберечь вас от смерти или того, что хуже вечного небытия. Вы, похоже, не местная, раз так смело выходите ночью в город, кишачий кровососами.

С этими словами Каргейр увлёк меня за собой.

Миновав несколько запакощенных переулков, мы вышли на освещённый проспект. Мужчина расслабился и уже не так крепко сжимал мою руку, но отпускать не собирался.

– Куда мы идём? – в волнении осведомилась я у спутника.

– Туда, где безопасно, не бойтесь, – ответил он.

Потянув меня к бетонной стене, огораживающей недостроенный, побитый непогодой дом, Каргейр произнёс несколько не понятых мною слов. Преграда исчезла, и вместо руин перед нами возникло большое здание со множеством светящихся окон, за которыми, казалось, кипела жизнь.

– Пришлось прибегнуть к помощи магов, чтобы его не нашли, – пояснил спаситель, не обращая внимания на мою растерянность. – Побудете здесь до утра, и отправитесь по своим делам.

– Не запирай, – услышала я басовитый голос, перекрываемый женским визгом.

Моим глазам предстало забавное зрелище: низенький, плотный брюнет в старомодном пиджаке с кожаными заплатами на локтях нёс на плече брыкающуюся девушку, колотящую кулачком по всем частям его тела, до каких могла дотянуться.

Спутник расхохотался.

– Не повезло тебе, Арджер, – заливался он. – Мне такие тоже попадались, еле справлялся.

Тот скривился.

– Смейся, смейся. Это ужасно: она меня лупит, а я даже ответить не могу – женщина.

– Скрутил бы её сразу, – всё ещё улыбаясь, отозвался Каргейр, делая шаг за порог.

Собеседник снова поморщился.

– Не успел. Меня преследовали пятеро...

Каргейр замер.

– Кто? – спросил он.

– Всех я не рассмотрел, но, кого видел, могу описать.

– Да это неважно. Только... Шегарда среди них не заметил?

Арджер, семенивший за нами с выдохшейся, замолкнувшей ношей, хмыкнул:

– Вряд ли он стал бы рисковать своей шкурой.

– Верно...

Двери лифта открылись, и Каргейр галантно пропустил меня вперёд.

Я лихорадочно осмысливала ситуацию и делала выводы. В этом городе водились вампиры. Спасшие нас с девушкой люди, видимо, входили в организацию, борющуюся с кровопийцами. А сопровождающий меня человек, похоже, был их лидером.

От размышлений о таких непривычных материях мозг мой вскоре закипел бы, но кабина остановилась, и мы вышли в длинный коридор, наполненный тишиной. И тут Каргейр удивил меня, сказав:

– У нас особая община: некоторые бодрствуют днём и спят ночами, это не возбраняется. А так тихо потому, что дома сейчас не все. Большинство на дежурстве в городе.

Я не поняла смысла первой части его фразы и озадаченно спросила:

– Почему особая? Ведь обычно так и бывает: ночь – время сна, день...

– Каргейр, – перебил меня Арджер, – не морочь даме голову. Она ничего о нас не знает.

Светловолосый засмеялся, а я в недоумении смотрела то на одного, то на другого.

– А ведь верно, – сказал мой спутник, – я и не подумал.

В душе у меня начала расти паника.

– И что же вы можете о себе рассказать? – пролепетала я.

Пленница Арджера напряглась и подняла голову, прислушиваясь к разговору, а Каргейр, сделав шаг вперёд, взял мои руки в свои.

– Пообещайте, что выслушаете меня спокойно, – попросил он.

Я кивнула, чувствуя, что мне становится всё страшнее.

– Мы не люди, – произнёс Каргейр, – а вампиры, но живущие по иным правилам.

– А мы, – боясь услышать утвердительный ответ, спросила я, – запасы пищи, вырванные изо рта других?

Арджер возмущённо фыркнул.

– Ничего подобного, – обиженно сказал он. – Мы вас – бестолковых спасаем от наших же собратьев, а сами, вопреки собственной природе, питаемся кровью животных и донорской.

Успокаивающе глядя мне в глаза, Каргейр кивнул, и страх пошёл на убыль. Однако девушка, похоже, ничего не поняла и завопила так, что Арджер, разжав руки, закрыл уши ладонями. Скандалистка резво рванула прочь по коридору, а вампир,

чертыхнувшись, ринулся вслед. Проводив обоих напряжённым взглядом, Каргейр обратился ко мне:

– Как ваше имя?

Я представилась.

– Ника, сейчас я отведу вас в комнату для гостей. Прошу, не покидайте дом до рассвета, если не хотите новых неприятностей.

– Ну, я же не сумасшедшая. А куда пойдёте вы?

– Моё дежурство не закончено. Но, возможно, после восхода солнца мы увидимся снова.

Я согласно наклонила голову, и он, толкнув дверь справа, пропустил меня внутрь небольшого полутёмного помещения, где напряжённо топтались несколько человек. Вскоре там появился и перепачканный кровью Арджер, несший строптивую беглянку.

– Арджи!

Голос Каргейра звучал строго. Товарищ замотал головой.

– Это не то, что ты думаешь. Не я её, она меня покусала.

Я прыснула, но вампир даже не улыбнулся.

– Ты понимаешь, чем это чревато?! – резко произнёс он.

Арджер опустил голову.

– Да, – прошептал он. – Но я не виноват, поверь.

Каргейр кивнул, остывая.

– Девчонку изолировать, – приказал он, – здесь ей находиться нельзя. Если она обратится, то к утру тут останутся только трупы.

– Какие же вы дуры! – в сердцах сказал мне Арджер. – Для вас же стараемся, для вашей безопасности, а вы...

– Ника совершенно не при чём, – прервал его Каргейр. – Займись делом.

– А почему она должна обратиться? – негромко спросила я.

– Не должна, а может, – так же тихо отозвался вампир, – если проглотила кровь Арджи. Придётся некоторое время за ней понаблюдать. Идите.

Я перешагнула порог, а Каргейр, развернувшись, исчез. Дверь захлопнулась.

Прошлое.

Юноша стоял у окна, держась обеими руками за края штор. Он хотел раздвинуть ткань, скрывающую от него солнце, но не решался. Колебания молодого человека были понятны, в течение всей его недолгой жизни сородичи в один голос уверяли, что

солнечный свет смертелен для них, и поэтому они могут выходить наружу только по ночам.

В конце концов, он, готовый в любой момент убрать руку, осторожно просунул кисть внутрь замкнутого пространства, отграниченного гардинами и оконным стеклом. Но ничего ужасного не произошло. Приятное тепло обвилось вокруг запястья Каргейра, лаская кожу и разжигая в душе гнев на родителей и членов их общины, обманывающих детей, запрещая тем наслаждаться солнечным светом. Резким движением вампир раздёрнул занавески и замер, грея холодное тело.

– Что ты делаешь?!

В голосе отца звучали ярость и страх.

– Пытаюсь опровергнуть мифы, на которых вы меня вырастили, – не оборачиваясь, ответил юноша.

Герети встал за спиной сына.

– Мифы?! – прошипел он.

Распахнув форточку, мужчина схватил руку Каргейра и насильно вытолкнул её наружу. Дикий крик огласил комнату; кожа ладони чернела и сморщивалась под горячими лучами.

Швырнув сына внутрь помещения, отец задёрнул шторы и обернулся к сидящему на полу юноше. Тот ожидал очередного припадка гнева, но, Герети, опустившись рядом, обнял Каргейра за плечи, и, глядя на быстро восстанавливающуюся кисть, сказал:

– Я всё тебе объясню. А ты передашь знание своим детям.

Настоящее.

Оказавшись среди спасённых, я тотчас подверглась нападению незнакомого мужчины, накинувшегося на меня с вопросами. Сев на стул и посмотрев на обезумевшего от страха человека, я сказала:

– Не волнуйтесь. Здесь нам ничего не грозит.

Но тот и не думал успокаиваться. Подскочив, он затряс меня, требуя ответов. Голова моя болталась из стороны в сторону, и ненормальный наверняка сломал бы мне шею, если бы молодой военный не отбросил его в сторону.

Поделившись с присутствующими известной мне информацией, я напугала тех ещё больше. Если до этого они думали, что их выручили люди, то теперь, узнав, что хозяйева тоже вампиры, большинство впало в панику. Едва не покалечивший меня человек взвыл

и, ринувшись к запертой двери, наскочил на неё, пока не выдохся и не разбил ладони в кровь.

– А вот это вы зря, – отстранённо сказала я, – вы сами провоцируете упырей, предлагая им пищу.

Кинув на меня затравленный взгляд, тот сполз по стене на пол. Щёлкнул замок, в комнату вошёл Арджер. Все притихли.

– Светает, – позёвывая, сказал он, – через час вы сможете отсюда уйти.

Оживившиеся люди радостно переглядывались и пожимали друг другу руки, а я, рассеянно наблюдавшая за гостями, неожиданно для всех отчаянно завопила:

– Арджер, сзади!

Одержимый страхом мужчина, вытащив из кармана складной нож, кинулся на вампира, целя в сердце. Тот отреагировал быстро и вовремя. Перехватив преступную руку, он легко откинул нападающего к противоположной стене, подтвердив тем самым легенды о невероятной силе своего вида. Но сумасшедший, против ожидания, не отключился, а вскочив, кинулся ко мне с воплем:

– Иуда!

Увернуться мне не удалось, и лезвие вонзилось в плечо. Скатываясь на пол, чтобы избежать следующего удара, я почувствовала сильную боль и дурноту. Миг, и Арджер уже стоял рядом, тычком отправляя безумца в нокаут и подхватывая меня на руки. Задержавшись на пороге, он кинул замершим людям.

– Запирать вас я не стану, как только рассветёт, можете идти. Но мой вам совет: не бродите по ночам.

И понёс меня по коридору в неизвестность.

Глава 5

Пробудившись, Ника с удивлением отметила, что незаметно для себя уснула. Не сразу, но женщина вспомнила, где находится, и осмотрелась. На спинке кровати висело неизвестно откуда взявшееся нарядное, яркое одеяло, а на тумбочке лежала новая салфетка.

– Санаторий! – раздражённо подумала она. – Вряд ли там вот так бесцеремонно заходят в комнаты, где спят отдыхающие.

В дверь постучали. Ника отозвалась, и на пороге появилась медсестра, делавшая ей инъекцию. По-видимому, Дмитрий Александрович, как и обещал, побеседовал с персоналом, потому что в полной медичке не осталось даже малой толики утренней агрессивности. Мило улыбаясь, она сказала:

– Вероника Николаевна, время обеда, столовая открылась.

Ника сползла с кровати и двинулась к выходу. Объяснив, как отыскать пищеблок, медсестра ушла, а женщина долго глядела ей вслед.

– Могут же быть вежливыми, когда захотят. Интересно, что им сказал врач? – подумала она.

Подкрепившись невкусной едой, Ника вернулась в палату и обнаружила на стуле свою верхнюю одежду. Обувшись и накинув пальто, она беспрепятственно вышла наружу.

Двор больницы показался ей довольно милым: вокруг, стоящих на бетонированной площадке скамеек пестрели поздними осенними цветами клумбы, землю застилали жёлтые и красные листья клёнов, а воздух дышал ароматной прохладой. Застегнув пуговицы, Ника села на лавочку, любясь красотами увядающей природы.

Постепенно умом её вновь овладели воспоминания. Женщина заново переживала события, произошедшие, когда в её комнате неожиданно погас ночник...

Нашествие.

Меня окружал мрак, настолько плотный, что казался осязаемым.

«Наверное, отключили электричество», – мелькнула мысль.

Решив проверить это, я, ощупывая воздух и стены, добралась до двери, нашарила выключатель и положила палец на кнопку. Но нажать её не успела. Меня ударили по руке, и мужской голос прошипел:

– С ума сошла?! Тебе жить надоело?

Чиркнула спичка, и слабый огонёк выхватил из тьмы силуэт в камуфляже. Лица я, ослеплённая вспышкой, не разглядела. Обжегшись, человек чертыхнулся, послышался

характерный звук соприкосновения серной головки с коробком, и незнакомец зажёл керосиновую лампу, которую держал в руке.

– Алина, что ты творишь? – уже мягче спросил он. – Решила покончить с собой, погубив заодно и нас?

Не ответив, я осмотрелась. Несомненно, я находилась в своей квартире, но как сюда попал этот...

– Вы кто? – сипло спросила я.

– Алин, да ты что? – почему-то шёпотом поинтересовался он. – Я Дем. Ты спишь ещё, наверное?

– Я не знаю вас.

У меня тряслись поджилки.

– Меня зовут не Алина, а Ника. И почему нельзя включать свет?

Парень, представившийся Демом, схватил меня за плечи и встряхнул.

– Что с тобой? – испуганно спросил он. – Ты – Алина. Вчера мы заночевали в этом доме. А свет нельзя включать потому, что здесь немедленно появятся монстры...

– Чушь!

Стряхнув его руки, я ринулась к настольной лампе и тут увидела своё отражение в зеркале у кровати. Взглядом, полным паники, на меня смотрела тоненькая девушка лет двадцати с собранными в хвост светлыми волосами, нервно тискающая ворот большой для неё мужской рубашки.

– А-а, – падая на пол, застонала я, – опять!

Но слово «опять» не соответствовало ситуации. Если раньше я всегда оставалась собой, то теперь заместила кого-то в чужом теле, приобретя заодно и другое имя. Дем опустился на колени, заглядывая мне в глаза.

– Алина...

– Я не Алина, – прервала я, – моё имя Ника. Послушай... Дем. Я не знаю, что происходит в этой реальности, но ты должен поверить, что я не имею к ней отношения.

Молодой человек ошеломлённо смотрел на меня, пока я рассказывала о себе, своих приступах, о миссиях в других мирах. Когда я закончила, он, помолчав, поинтересовался:

– А где сейчас Алина?

Я пожала плечами.

– Вероятно, в моём теле на той стороне. Или, возможно, я подмяла её разум, вселившись в эту плоть.

Дем сел, прислонившись к стене.

– Что же теперь делать? – спросил он.

– У тебя есть сигареты? – поинтересовалась я.

Парень протянул пачку, и, нервно затянувшись, я произнесла:

– Мы ничего не можем изменить. Я останусь в облике Алины, пока кто-нибудь свыше не решит, что с меня хватит. Прости, но я не способна влиять на события.

– И как жить мне?

Голос его прозвучал уныло.

– Я люблю Алину, мы были близки, а ты...

– Прости, – повторила я. – Поверь, если бы я могла вернуться в свой мир по собственной воле, то сделала бы это незамедлительно. Нам обоим придётся смириться со случившимся, и будет лучше, если ты объяснишь мне, что здесь происходит, чтобы я знала, чего ожидать.

Подумав, он кивнул, и начал рассказ.

– Достали проклятые *спамеры!* – раздражённо орал Вовка из-за компьютера.

Спам – навязчивая рассылка рекламы или другого типа сообщений лицам, не выражавшим желания их получать.

С самого утра он, не отводя взгляда от дисплея, пытался разобраться, что же творится на «Нашествии». Спам от знакомых и незнакомых пользователей шёл непрерывно. Пронзительные крики друга мешали Дему, и, с сожалением оторвавшись от недочитанной страницы, он лениво повернул голову:

– Ну, что там у тебя происходит? И зачем так вопить?

На самом деле Дема звали Андреем. Но после того как он выплатил «долг» Отчеству, отслужив положенный срок в войсках спецназа, друзья обращались к нему не иначе, как дембель. И вскоре слово сократилось и зажило жизнью человеческого имени.

Армия изменила Андрея: из дома уходил застенчивый, неуверенный в себе эмоциональный мальчик, а вернулся крепкий, сдержанный мужчина, которого, казалось, ничто не страшило. О службе своей молодой человек не рассказывал, и никто в его окружении не знал никаких подробностей.

Одной из положительных черт Дема была его любовь к книгам. С раннего детства он глотал их одну за другой и, в то время как сверстники осваивали компьютер и

увязали во всемирной паутине, получал информацию по старинке – со страниц художественной и научной литературы. Даже свой роскошный *коммуникатор* юноша использовал только для звонков.

***Коммуникатор* – карманный компьютер, снабжённый модулем сотовой связи.**

– Да видел бы ты, что творится! – закричал Вовка. – Уроды! Нет, ты только взгляни.

Отложив солидный томик, Дем нехотя поднялся и направился в комнату друга. Посмотрев на дисплей, он вздрогнул: страшная, слюнявая морда монстра уставилась на него с Вовкиной странички. Чудовище казалось живым, словно его не нарисовали, а сфотографировали, и столько мерзкого обаяния и силы исходило от *гротескного* изображения, что несколько мгновений взгляд молодого человека оставался прикованным к экрану. С трудом оторвавшись от ужасного зрелища, он сглотнул и хрипло спросил:

– Это что за хрень?

***Гротеск* (франц. *grotesque*, итал. *grottesco* — причудливый, от *grotta* — грот) – причудливое сочетание фантастического и реального, прекрасного и безобразного, трагического и комического, правдоподобия и карикатуры.**

– Спам это, спам! – снова заорал Вовка.

Дем поморщился:

– Да не кричи ты так. Откуда он взялся?

– Оттуда, откуда и все. Кто-то забросил в сеть, а всякие идиоты распространяют.

Третий день не могу от него избавиться. Приходит от всех, кто сидит на «Нашествии». Повскрывали их что ли?!

Вовка стукнул кулаком по столу.

– Тише, тише, Вов, нашёл, из-за чего портить нервы. Ты лучше объясни, что за название такое – «Нашествие»? Почему сайт для общения именуется, как фантастический боевик. Честное слово, мне не покажется странным, если эти спамеры оживут и сожрут всех вас.

Друг расхохотался:

– Да ты шутник. Считаешь, рисованное чудо-юдо способно вылезти в реальный мир и лопать людей?

– Кто знает, на что способна современная электроника, – улыбнулся Дем. – Ладно, Володя, я, пожалуй, ещё немного почитаю, а ты борись со своим монстрами.

– Я буду не я, если всех не уничтожу!

Вовка бросился в атаку, а Дем углубился в книгу. Но вскоре внимание его привлекла необычная тишина.

– Вов? – позвал он.

Молчание.

– Вов, непривычно тебя не слышать. Ау!

Не дождавшись ответа, Дем решил проведать товарища. Комната оказалась пустой, а на мониторе мерцало уродливое изображение, занявшее всё пространство экрана. Андрею стало не по себе.

– Володя, ты где? Подшутить надо мной решил? Ну, держись, найду, откручу голову!

Дем обшарил все укромные уголки, даже выглянул на балкон, но никого не нашёл. А бросив взгляд в сторону компьютера, понял, что ещё способен пугаться. Изображение изменилось, монстр был не один. Он стоял на задних лапах, коренастый и огромный, а когти передних пронзали тело человека, как две капли воды похожего на исчезнувшего Вовку.

Когда чудовище, повернув к Андрею окровавленную морду, ослабло и подмигнуло, молодой человек почувствовал жгучее желание пошвырять в него всё, что попадёт под руку, и бежать без оглядки. Но он не привык поддаваться первому порыву и, осмотревшись, заметил на полу несколько капель крови. И никаких следов борьбы. Видимо, Вова даже не понял, что произошло.

– Голову ему открутили и без моей помощи, – ошеломлённо пробормотал Дем.

Случившееся не укладывалось в мозг, рушилось всё, во что он привык верить, и Андрей растерялся. Между тем изображение исчезло, и на экране появилась надпись: «567487 уничтожен».

«Они ещё и счёт ведут...»

Внезапно молодой человек осознал, что приключилось в этой комнате, когда он находился в двух шагах. Схватив тяжёлую пепельницу, Андрей швырнул её в монитор.

– Прости, меня, Володя! – шепнул он пустоте.

Года за полтора до этого жуткого события, оттеснив популярные сайты, возник новый, оправдывающий своё название. На «Нашествие» произошло в буквальном смысле нашествие. Правила не запрещали ничего: ни жестокость, ни порнографию, ни иное зло, и ошалевшие от вседозволенности подростки ежедневно создавали новые

страницы, часами просиживая у мониторов и наслаждаясь играми, подобных которым не было нигде. Рёв, рычание, дикие вопли неслись из маленьких колонок и мощных стереосистем, заставляя несчастных родителей затыкать уши и срывать на крик.

Трудно сосчитать, сколько компьютеров запаролили взрослые в этот период, сколько произошло семейных скандалов, закончившихся категорическим запретом выхода в сеть. Но, несмотря на все препятствия, сайт «Нашествие» в рекордно короткие сроки занял первое место в топе социальных сетей. В то время как взрослое население продолжало пользоваться скромными «Одноклассниками», молодёжь, за небольшим исключением, поддерживала монстра интернета.

Дем наблюдал за ажиотажем вокруг популярного портала сначала с усмешкой, а потом с растущим чувством беспокойства. Общаться с товарищами, не вплетая в разговор события сайта, становилось всё сложнее. Те обсуждали то очередную убийственную игру, то количество выпитых бутылок спиртного и выкуренной травы и спорили, кто из них за этот «подвиг» получит высший балл или ценный приз. Друзья и знакомые, в большинстве своём уже не подростки, подвергались зомбированию. Приказы, отдаваемые «Нашествием», превращали их в алкоголиков, наркоманов, убийц. Даже у ранее благополучных людей менялись взгляды, характеры, внешний вид.

Используя свои не слишком обширные связи, Дем пытался выяснить, откуда взялся загадочный сайт, и кто его создатель, но тщетно. Создавалось впечатление, что «Нашествия» официально не существует, и серверы его находятся не иначе, как в аду.

Сервер – специальный компьютер, предоставляющий сервисы и данные клиентским компьютерам.

Чуть позже события реальной жизни, отвлекли Дема от компьютерного мира. В его городе с населением в сорок тысяч человек стали пропадать жители. За месяц бесследно исчезли тридцать два подростка, трое детей, самому старшему из которых недавно исполнилось десять, и тридцатилетний мужчина. Полиция сбилась с ног, местная пресса вещала о маньяке и осторожности, и городок, ужаснувшись, затих.

Дем часто обсуждал происходящее с Вовкой – единственным оставшимся адекватным приятелем. Тот тоже увлекался «Нашествием», но здравый смысл у него присутствовал. Он любил страшные игры, но не воспринимал их требования, как указания к противоправным действиям. Ему удалось заработать пару неплохих призов, когда сайт только набирал обороты, но едва правила усложнились, как Вовка забыл про высшие оценки и проводил свободное время, играя.

Интересующийся новостями друг поведал Дему, что по всему земному шару исчезают люди. Не так уж и много в глобальном масштабе, но ведь никто не знал, сколько подобных случаев скрыли от СМИ. А власти сокрушённо разводили руками: преступники казались неуловимыми.

Андрей пытался убедить Вовку оставить «Нашествие», но тот, уверяя, что для него это не опасно, продолжал играть. Единственным, что раздражало парня в последнее время, был спам в виде картинок. Если бы Дем знал...

Рассказчик всхлипнул и закрыл лицо руками. Поддавшись вполне объяснимому чувству сострадания к пережившему кошмар человеку, я погладила его по плечу. Дем вздрогнул и отодвинулся.

– Извини, – тихо сказал он, – но не могла бы ты ко мне не прикасаться. Ты – не она, и я пока не могу с этим смириться.

– Это ты прости меня, Андрей, – сочувственно произнесла я. – Пожалуйста, продолжай.

Он наклонил голову.

– Хорошо. Вот что произошло, спустя полгода после гибели Вовы...

По мрачному тихому городу, глубоко задумавшись и не замечая противного, мелкого дождя, шёл человек, скрывающий под капюшоном куртки хмурающийся лоб.

День и ночь Дема преследовали невесёлые мысли; его родной городок вымирал, поддавшись компьютерной заразе. Монстры больше не церемонились и, оказавшись в человеческом жилище, не ограничивались уничтожением виновника их появления. В небытие уходили целые семьи, число погибших было ужасающе огромным. И цифры продолжали расти.

Чудовищ теперь порождали не только компьютеры: те появлялись из сотовых телефонов, выскакивали из трансформаторных будок, спрыгивали на голову с фонарных столбов. Люди перестали пользоваться электричеством, и город по ночам погружался во тьму.

Но это не стало панацеей. Нередко случалось, что тот или другой несчастный, не выдержав прессинга тьмы, в состоянии временного умопомрачения включал свет, телевизор или мобильник и исчезал вместе с близкими.

Никто ничего не мог объяснить. Наиболее прагматичные толковали об искажении электрических полей, верующие кричали об апокалипсисе, и лишь небольшая группа

людей, соглашаясь, впрочем, и с теми, и с другими, безуспешно пыталась что-то понять и изменить. Дем вступил в такое сообщество и шёл сейчас на встречу с единомышленниками, мучительно размышляя над происходящим.

Справиться с бедствием они не могли, и даже у закалённого парня опустились руки. Всё чаще в голову ему приходила мысль, а не божий ли промысел эта напасть. На планете скопилось столько скверны в человеческом эквиваленте, что, возможно, всемирная катастрофа стала бы справедливой развязкой.

Вот и знакомый подъезд. Андрей несколько секунд постоял, глядя на морозящее дождём тёмно-серое небо, тряхнул головой и, войдя внутрь, поднялся по лестнице.

Глава 6

Дема встретили возбуждённым гомоном. Молодёжь и взрослые, переговариваясь, толпились в тесной клетушке, их длинные тени, извиваясь, причудливо переплетались на стенах. И, удивительно, при взгляде на эту суету возникало ощущение торжества, новогодней кутерьмы, несмотря на державший всех в напряжении ужас. Встречи эти, действительно, становились праздником, символом единения и безопасности для напуганных, измученных неизвестностью людей.

Дем прошёл в комнату, где на столе, вперемешку с пустыми чашками, лежали присыпанные хлебными крошками чертежи и схемы.

– Что нового? – спросил он.

Невысокий мужчина лет сорока по имени Сергей покачал головой:

– Ничего. Нельзя что-либо понять, вычислить, рассчитать, не включив компьютер, а это, сам понимаешь, чревато. Может, проскочим. А если нет? В квартире тридцать с лишком человек, мы не имеем права подвергать опасности всех сразу.

– Это значит, – подытожил Андрей, – что рискнуть всё-таки придётся, но в одиночку.

– Другого выхода я не вижу.

Сергей вздохнул:

– Мы не можем связаться с миром, узнать новости. Вероятно, в других местах уже нашли решение и приняли меры, а мы не в курсе. И если в ближайшее время мы не выйдем в сеть, то не сумеем себе помочь.

Дем подошёл к окну. Дождевая хмарь сгустилась, огоньки свечей, горящих в квартирах выживших, кривляясь, отражались в лужах. И снова молодой человек засомневался в разумности сопротивления грядущей гибели. Усилием воли прогнав унылые мысли, он встряхнулся.

– Я готов. Кто со мной?

Сергей несколько секунд смотрел на него, а потом тихо спросил:

– Ты понимаешь, чем всё может закончиться?

– Понимаю. Так кто войдёт со мной в сеть?

– Думаю, наивыгоднейшим трио станете вы с Эдиком и Алиной. Алина – полиглот, а Эдик – неплохой технарь.

Дем вздрогнул. Он познакомился с девушкой пару недель назад, та очень нравилась ему, и представить её в зубах монстра Андрей не мог.

– Есть ещё варианты? – слегка охрипшим голосом поинтересовался он.

– Увы, нет.

Сергей замялся.

– Я мог бы предложить свою кандидатуру, но в языках я не силен, а это большой минус.

– Тебе нельзя, – сказала Алина, – ты лидер. Если погибнешь, группа будет обезглавлена.

– Равно, как если она останется без техника и переводчика, – подал голос Эдик. – Самый бесполезный из нашей троицы – Дем, его сила не в уме, а в мышцах...

Раздался звук пощёчины.

– Не смей так говорить об Андрее, ублюдок!

– Да ты...

Сергей, мгновенно вклинившийся между Эдиком и Алиной, зашипел:

– Молчите вы оба, нашли время выяснять отношения. Сейчас нет полезных или бесполезных. Каждый готов вступить в единоборство со смертью, чтобы спасти тех, кто ещё жив. Если ты, Эдуард, думаешь иначе, тебе нечего здесь делать.

Наступило молчание. А после прозвучало тихое:

– Ты прав. Когда?

– Завтра в два часа дня, пока ещё светло. Компьютер поставим, подключитесь сами.

Согласно кивнув, люди вышли в опустевший коридор, оставив лидера наедине с его мыслями. Мужчины закурили.

– А почему, пока светло? – спросила Алина.

Дем усмехнулся

– Чтобы темнота не создавала лишнего давления на психику.

– Да какая разница для смертников?

Эдик невесело засмеялся.

– Наверняка завтра мы отсюда не выйдем.

– Не спешите нас хоронить, а у нас ещё здесь дела... – негромко пропел Дем. – Не нравится мне, Эдик, твоё настроение.

– А мне ты не нравишься...

Резко развернувшись, собеседник направился к двери.

– Пусть идёт – разрешила Алина. – Проводишь меня, Дем?

– Конечно.

– В тот вечер она предложила мне остаться, и я не пожалел, что согласился. Алина стала для меня лучиком света в сгустившемся мраке, – грустно произнёс Андрей.

Воцарилось молчание. Да и что я могла сказать? Чтобы он потерпел до момента, когда неведомая сила, управляющая моей жизнью, вернёт всё на круги своя? Это было ясно и так.

Тишина становилась гнетущей, но внезапно Дем встрепенулся, вытер застывшие на щеках капли, и произнёс:

– Слезам горю не поможешь, нужно время, значит, подожду. Ника, пожалуйста, не говори Олегу, кто ты. Сможешь отзываться на чужое имя?

Я кивнула.

– А ты расскажешь, что произошло потом?

– Да, – ответил он, – тебе нужно это знать, чтобы не наделать глупостей, как пыталась сегодня.

И Дем улыбнулся.

Когда Андрей в назначенное время вошёл в квартиру, Эдик уже возился с компьютером, а Алина ждала в коридоре. Но вот кого Дем не ожидал увидеть, так это...

– Сергей, что ты здесь делаешь? Мы же договорились.

Тот усмехнулся:

– Да я на досуге подумал, а вдруг вы, ребята, вступите в сговор с монстрами и разнесёте мне дом. Лучше уж я за вами понаблюдаю.

– Это не шутки, – разозлился собеседник. – Эдик прав, тебе нельзя бросать группу.

– Они не маленькие, справятся и без меня.

Помолчав, Сергей тихо добавил:

– Что бы вы ни говорили, ребята, но совесть не позволит мне вас оставить.

Эдик кинул через плечо:

– Да ладно, бросьте, мы все обречены: днём раньше, днём позже...

Дем сдался.

– Одно условие, Серёж: ты стоишь у двери, и, если что-то пойдёт не так, уходишь, не дожидаясь нас. Договорились?

– Кто позволил тебе лидером командовать? – шутливо возмутилась Алина.

– Так, тихо все, кино начинается. Займите места согласно купленным билетам, – преувеличенно развязно сказал Эдик, нажимая кнопку.

В системном блоке зашумело, дисплей засветился, и люди замерли в напряжённом ожидании. Компьютер грузился: рабочий стол, ярлыки, интернет...

– Новости из Англии. Алина читай!

Девушка скользила взглядом по строчкам:

– Старые. Всё старое.

– США, Алина!

– Ничего.

– Испания.

– Ничего.

– Германия.

– Стоп! Вот, смотрите, крупным шрифтом: «Прекратите подачу энергии в населённые пункты, остановите или уничтожьте электростанции. Лучше жить в пещерах, чем не жить совсем».

– Ещё тот совет. Истерик писал. Дальше...

– Греция.

– Тишина.

– Италия.

– Ничег.... Нет, вот! Ищите людей с иммунитетом. Переливайте себе их кровь, пересаживайте клетки...

– Чушь!

– А если нет? Хоть какая-то зацепка...

– Бельгия...

– Господи, что это? – вскричал Эдик.

Алина взвизгнула. Системник мелко завибрировал, загружалось «Нашествие». Дем, рванувшийся к компьютеру, споткнулся и упал. Но это не отключило мозг.

– Эдик, вырубай! Вырубай немедленно!

– Не получается!

Тот в панике жал кнопку.

– Из розетки, – заорал Дем. – Сергей, уходи, быстро!

Оттолкнув обезумевшего технаря, Алина выдернула шнур. Ничего не изменилось, на экране проявлялся компьютерный монстр.

– Процесс запущен, не остановить, – отрешённо подумал Дем. – Конец!

Но он не привык сдаваться. Схватив Алину за руку, мужчина потянул её к двери, открытой Сергеем.

– Эдик, живее, есть шанс!

Тот не двигался, заморожено глядя на картинку.

Вдруг неизвестно откуда взявшаяся огромная масса обрушилась на замершего человека. И он, не издав ни звука, распался на молекулы, лишь на полу остались несколько красных капель. Всё произошло тихо, как и в тот день, когда Дем потерял друга. А монстр, встряхнувшись, двинулся к людям.

Он настиг их у выхода. Сергей успел уйти, а они нет. Алина, стоявшая за спиной Дема, вцепилась в его предплечья. Тот успел подумать, что останутся синяки и понять, что теперь это не имеет значения, ведь их тела исчезнут. Но произошло непредвиденное. Собиравшаяся прыгнуть тварь застыла, словно натолкнувшись на стену, жалобно заблеяла и... растаяла. В ту же секунду компьютер заглох, и наступила тишина.

Молодые люди стояли, не шевелясь. Девушка не отпускала руки Дема, а тот обдумывал случившееся, ещё не веря, что они остались в живых.

«Почему он исчез? Может, ему на обед хватило Эдика?»

И тут же одёрнул себя:

«Так, стоп! Парень погиб, плохие шутки. Но что же остановило чудовище?»

– А-а.

Застонав, Алина скользнула по стене на пол. Андрей пытался привести её в чувство, когда дверь осторожно приоткрыл Сергей.

– Живы?! – ахнул он – Что, что это было?

– Не имею понятия.

Осторожно подняв девушку, Дем отнёс её в комнату.

– Оно убило Эдика, но, дойдя до нас, исчезло. Испарилось.

Устроив Алину на диване, Андрей сел рядом. Некоторое время мужчины молчали.

– Что ты сам об этом думаешь? – спросил Сергей.

– Не знаю, – ответил Дем, разводя руками.

Алина, завозившись на ложе, что-то просипела.

– Что?

Безрезультатно пытаясь сесть прямо, она шепнула:

– Иммунитет...

– Иммунитет?

Дем напрягся и, вскочив, принялся ходить из угла в угол. Остановившись, он посмотрел на товарища.

– Она сказала: «иммунитет». Ты понимаешь, что это значит, Серёж? Помнишь, что мы видели в интернете? Кто-то из нас двоих обладает иммунитетом к этим тварям. Вот почему чудовище не смогло к нам подойти. Ясно?

– Так...

Сергей вскочил и тоже забегал кругами.

– Допустим, вы правы. И кто же? По каким признакам мы сможем распознать этих людей?

– Скорее всего...

Алина говорила почти нормально, и ей, наконец, удалось выпрямиться.

–... скорее всего, это Дем.

– Почему я?

– Потому что ты никогда не пользовался компьютером.

Андрей покачал головой.

– Но я пользовался. Не слишком часто, но...

Алина буквально взвилась в воздух.

– Как ты не понимаешь?! Ты никогда не считал его источником знаний, никогда не увлекался играми, никогда не ставил виртуальный мир во главу угла. В отличие от всех нас, ты ему не подчинён. Я обучалась в интернете, Эдик выуживал техническую информацию, Серёжа... он играл в «Нашествии», хотя и не заикливался на нём...

– Как и Вовка.

Дем схватился за голову.

– Кто?

– Мой друг. Он погиб одним из первых. А я в этот момент находился в соседней комнате. И не умер.

Сергей взъерошил волосы и тихо сказал:

– Похоже, у тебя, действительно, иммунитет. Это просто здорово!

Они помолчали:

– Ну, и что же мы будем делать теперь? – поинтересовался Дем.

Девушка подошла ближе.

– Соберём группу и выясним, кто выжил при похожих обстоятельствах. А после решим.

Сергей покачал головой.

– Боюсь, что таких немного, если есть вообще. Насколько мне известно, большинство наших – зависимые. Думаю, искать таких, как Дем, придётся не здесь.

Андрей сел рядом с товарищем.

– Серёж, им может помочь моя кровь. Или клетки.

Мужчина снова мотнул головой:

– Чтобы укрепить иммунитет у всех, тебя придётся разбить на атомы. Не можешь же ты отдать себя на растерзание, чтобы спасти других.

– Почему нет? Я один, а их много.

– Жертва станет бесполезной. Кровь обновляется часто, и после придётся рвать в клочья кого-то ещё.

Алина, находившаяся на грани истерики, захихикала.

– А клетки?

– Мы не знаем, сколько их нужно, придётся посоветоваться с медиками. Назрело много вопросов. Завтра в два – общий сбор.

Людей лихорадило несколько дней. Чтобы отыскать обладателей иммунитета, группа разделилась на меньшие, но, как и предполагал Сергей, среди выживших оказалось слишком мало тех, кто мог противостоять порождениям «Нашествия».

В городе, где осталась лишь десятая часть населения, они выявили только двенадцать человек. Каждый мог загородить собой, по крайней мере, двоих, однако основную проблему это не решало. Отстоять требовалось не два-три десятка, а сотни и даже тысячи людей.

На собраниях не единожды звучали предложения об отправке дипломатической группы для связи с иммуноносителями, разбросанными по земному шару. Но эти предложения всегда отменялись, как нереальные.

– Да чепуха всё это! – взорвался Дем, выслушав очередную бредовую идею. – Какая дипломатическая миссия? Как вы это себе представляете? Если вы не в состоянии высчитать, сколько времени займёт путешествие, то хотя бы подумайте, как послы будут общаться там – за границей. Полиглот у нас только Алина, немного владеет английским Лена, да Женька чуть-чуть лопочет по-немецки. Допустим, ещё пару человек мы найдём в городе. А большинство и на родном языке не может связать двух слов без мата...

Он запнулся, подумал с минуту и произнёс:

– И почему мы забыли про интернет? Если кто-то сообразил, что можно выложить нужную информацию в сеть, то там мы этих людей и найдём.

– Рискованно, Андрей, – сказал лидер. – Ведь если ты начнёшь пользоваться компьютером, то рискуешь потерять устойчивость к этому...

Он на секунду смолк, подбирая слово.

– ...к этой заразе.

Дем вскочил.

– Сколько у нас носителей иммунитета? Со мной – тринадцать. Фу ты, то ещё число... Те, кто будет работать в сети, просто перельют себе часть крови от нас. Мы станем донорами, и наше присутствие у компьютера не понадобится.

– А Дем дело говорит.

Алина казалась воодушевлённой

– Находим владеющих языками, выделяем из нашей группы компьютерщиков, делаем переливание крови и вперёд.

Сергей размышлял, постукивая пальцами по столешнице.

– Что ж, – наконец произнёс он – хорошо. Опасно, конечно, вдруг не сработает, но нельзя же сидеть, сложа руки. Начинаем действовать.

– А почему мы? – прозвучал чей-то вопрос. – Пусть этим правительство занимается.

– Правительства, скорее всего, давно уже нет. Мы же лет сто не слышали никаких новостей, а от происходящего ни в каком бункере не спрячешься, – ответил Сергей. – Нет, ребята, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– И хватит болтать! – подхватил Дем.

Более двух недель бродили они по сети в поисках информации и новых связей. И те возникли, укрепились. За всё это время монстроподобная опасность ни разу не потревожила людей. Они поддерживали контакт с такими же группами, с медиками, уверяющими, что создание сыворотки для человечества дело нескольких недель, просвещали незнающих. Но наступил момент, когда стали выявляться новые пугающие факты.

Вскоре после того как оперативная группа вышла в интернет, начали замолкать то один, то другой города. Правда, связь быстро восстанавливалась, но сообщения шли странные, словно люди внезапно потеряли веру. Вялые фразы: «борьба бесполезна», «нам не победить» или даже «они победили» звучали оттуда, где наблюдались сбои. А вскоре всё объяснилось.

Однажды дверь в штаб-квартиру, где дежурили Дем с Алиной и ещё две девушки, открылась, и внутрь вполз Сергей. Лицо его покрывала зеленоватая бледность. Присутствующие кинулись к лидеру, но тот остановил их, крикнув: «Прочь!». И, глядя на Дема мутными, больными глазами, прошептал:

– Андрей, слушай и запоминай. Анализировать будешь позже, когда...

Зарывав, он схватился за голову, но, пересилив боль, продолжил:

– Только обладающие иммунитетом не подвержены... А тем, кто впрыснул себе их кровь, они вселятся в мозг и будут управлять, как марионетками.

Сергей застонал.

– Они уничтожат всех: и тебя, и тех, кто... способен устоять. Любую болезнь можно лечить. Мозг... не другое... я заражён...

Прежде чем молодые люди опомнились, Сергей схватил лежавший на тумбочке большой кухонный нож и провёл лезвием по горлу. Раздался женский визг, а мужчина, захрипев, несколько раз дёрнулся и замер посреди увеличивающейся кровавой лужи.

Дем не мог поверить в случившееся: Серёжа – его самый близкий друг заразился и покончил с собой, чтобы не погубить других. Молодой человек не понимал, почему всё вокруг расплывается, словно он смотрит сквозь воду, пока не осознал, что плачет под аккомпанемент женских рыданий.

– Нет! – громко крикнул он.

От неожиданности девушки замолчали.

– Нет, – повторил Дем, – оплакивать погибших станем после победы. А сейчас – действовать! Оля, Наташа, Алина, быстро по точкам. Выключить компьютеры, и всех в штаб.

Не возразив ни словом, те выбежали из квартиры, а Дем встал на колени рядом с телом Сергея, беззвучно моля друга о прощении за то, что не сумел уберечь. Размышлять он не мог, перед глазами всё вертелось, словно Андрей крутился на карусели, разум отказывал.

За дверью слышались возбуждённые голоса, и на пороге ошеломлённо замерли четверо. Дем махнул рукой в сторону комнаты, прибывшие беспрекословно подчинились, а вскоре Алина привела ещё две группы.

Минут через десять, когда люди ещё осмысливали полученную информацию, хлопнула дверь, и в помещении появился Женя. Глаза его затянула мутная плёнка, а на губах застыла недобрая ухмылка.

– Ну, что, все собрались? – с издёвкой поинтересовался он. – Хотели нас уничтожить? Не-ет, ребятки, настало ваше время умирать!

В руках его, как по волшебству, появился молоток, и новорожденный монстр нанёс удар. Голова сидящего рядом парня раскололась, и потолок отразил дикий вопль остальных обречённых.

Дем, не привыкший долго размышлять в критических ситуациях, прыгнул на убийцу, и тот рухнул под тяжестью обрушившегося на него тела. Выкрутить оружие из пальцев бывшего товарища оказалось непросто, но всё же Андрей справился. И ударил. В висок. Чтобы уж наверняка.

На миг взгляд умирающего снова стал похож на Женин, но тотчас потускнел, и глаза несчастного закрылись навсегда. А Дем, перевернувшись на живот, уткнулся лицом в окровавленный ковёр и затих.

Глава 7

Дмитрий Александрович, откинувшись на спинку стула, с задумчивым видом просматривал скреплённую степлером пачку печатных листов. События произведений не предполагали обязательного присутствия наблюдателя, они могли быть продиктованы яркой писательской фантазией. Но как же тогда объяснить, что у него на глазах случилось с пациенткой?

Опытный врач давно понял, что в мире не всё так просто, как кажется прагматикам, толкующим сверхъестественное с позиции бесстрастной науки. За время работы в психиатрических лечебницах ему приходилось видеть нечто, не поддающееся никакому рациональному объяснению. Да что далеко ходить, взять хотя бы «инопланетянина» из седьмой палаты...

Прагматик – человек, отрицающий нематериальные явления и признающий только их материальное подтверждение.

Вспомнив их последнюю встречу, Дмитрий Александрович содрогнулся. От представшего пред ним внешне спокойного, привлекательного человека исходила такая угроза, воспринимаемая на чувственном уровне, что после беседы психиатр распорядился укрепить стены и дверь, ведущую в обиталище ходячего ужаса. Ему казалось, что пока тот не изолирован от персонала и пациентов, их жизни и рассудок будут в опасности. И... как он сказал: «Время ещё не настало»? Какое время? Для чего? И что произойдёт, когда оно приспееет?

Психиатр потёр уставшие глаза и усилием воли попытался избавиться от холодка жути в области сердца.

«Профессия наложила на меня отпечаток, – невесело усмехнувшись, подумал он, – и я понемногу становлюсь параноиком. Если бы знать, куда уйти от этого кошмара».

И вновь погрузился в чтение произведения, на титульном листе которого значилось: «Вероника Леонова...

Под парусами капитана Мак-Гилла».

Наше плавание к Маракайбо стало для меня чередой рабочих часов с небольшими перерывами на отдых. Канатами я стёрла руки в кровь, ноги пострадали не меньше, и тёмными вечерами, добравшись до кубрика и лёжа в непроглядном мраке, я смотрела в невидимый потолок и глотала слёзы боли, стараясь никого не разбудить рвущимися из груди всхлипываниями. Романтика морей для не привыкшей к физическому труду девчонки оказалась слишком тяжела.

Поддержкой в эти нелёгкие дни для меня стал Нед. С молчаливого согласия Коу и капитана он работал вместе со мной, порой выполняя порученную мне непосильную работу и бережно врачуя раны. По ночам он нередко выводил меня на палубу и, сидя рядом, уговаривал, наставлял и утешал, и в сердце у меня зрели благодарность и любовь к тому, кто принимал такое живое участие в моей нелёгкой судьбе.

Но человек привыкает ко всему. Через несколько дней тяжкие обязанности стали казаться мне не столь обременительными, забыв о боязни высоты, я ловко лазила по вантам и, наконец, начала наслаждаться плаванием. Море было спокойным и очень красивым, попутный ветер надувал паруса, и часто, сидя на мачте, я мечтательно вглядывалась вдаль, чувствуя, как душу захлёстывает волна восторга, готовая выплеснуться на каждого, кто в этот момент появился бы рядом.

Путешествие наше подходило к концу, вскоре мы вошли в озеро, отделяющее порт Маракайбо от моря. Занимаясь повседневными делами, я очутилась рядом с кварталдеком и услышала голоса. Разговаривали капитан, Джон, Брайан Тревор, бывший, как я узнала, шкипером и летописцем Мак-Гилла, и ещё кто-то, мне незнакомый, на поверку оказавшийся хозяином «Валькирии». В голосе Коу звучало раздражение.

– Готье, – громко и веско говорил он, – подумай сам: ты не знаешь *фарватер*, и пересекать озеро без *лоцмана* неразумно.

***Фарватер* – часть водного пространства, достаточно глубокая для судоходства.**

Лоцман – судоводитель, хорошо знающий местный фарватер и проводящий по нему суда.

– Господа, – защищался француз, – я пойду не наугад, а делая промеры. Зачем нам лишний человек на судне?

– Джон прав, – сказал Мак-Гилл, – ты не справишься, Жак, и мы рискуем застрять тут из-за тебя.

Голос Готье зазвучал вызывающе:

– Я сам себе хозяин, Генри. Я команду «Валькирией», и, поступлю, как сочту нужным.

Наступило молчание. Наконец, заговорил Тревор:

– Вижу, тебя не переубедить. Но если что-то пойдёт не так, помощи от нас не жди.

– Как-нибудь разберусь, – фыркнув, сварливо ответил француз.

Когда он спустился в шлюпку и отплыл, я подошла к капитану.

– Сэр, – обратилась я к нему, – всё это кончится очень плохо. Он посадит «Валькирию» на мель посреди озера, и вы, разгружая её, потеряете не меньше трёх дней. За это время жители узнают о нашем прибытии и покинут город. Губернатора придётся искать очень долго.

Потеряв дар речи, Мак-Гилл, Коу и Тревор изумлённо воззрились на меня. Опомнившись, Джон проямлил:

– Что ты городишь, юнга? Откуда ты можешь это знать?

– Поверьте мне, так и произойдёт, – ответила я. – Простите, что я осмеливаюсь давать советы, капитан, но будет лучше, если вы всё-таки заставите Жака принять на борт лоцмана.

И помчалась к Неду, чувствуя, как спину мою буравят три ошеломлённых взгляда.

Как я предсказала, так и произошло, в точном соответствии произведению Сабатини. Три дня корсары, ругательски ругая Готье, снимали груз с «Валькирии», чтобы стащить судно с мели, а когда, мы наконец, сдвинулись с места, выяснилось, что Маракайбо пуст.

Мало того, за это время между островами Вихилиас и Лас-Паломас, на выходе из похожего на бутылку Маракайбского озера, встала на якорь испанская эскадра, возглавляемая злейшим врагом нашего капитана доном Антонио де Арагоном де Лерма. Так же, как и в книге Сабатини, адмирал прислал корсарам приказ немедленно

покинуть город, обещая неприкосновенность. И получил от Мак-Гилла дерзкий ответ с требованием выкупа за Маракайбо и угрозой уничтожить и его, и эскадру испанцев в случае, если эти условия не примут.

Но дальше всё пошло совершенно не так, как в первоисточнике. Во-первых, Готье, струсив, откололся сразу, а не после описанной в книге атаки с горящим *шлюпом*. Его команда погрузилась на «Валькирию» и отплыла, решив отдаться на милость адмирала. Все, кроме меня, приуныли, но я-то знала, что этот поход не стал для Блада последним, и намеревалась поделиться своими соображениями с двойником капитана, последнее время посматривающим на меня с некоторым страхом.

***Шлюп* – трёхмачтовое военное парусное судно второй половины XVIII – начала XIX вв.**

Вторым же отличием выдумки от «действительности» стало появление в расположении нашего отряда незнакомого молодого человека, оказавшегося племянником дона Антонио.

Дон Альваро де Арагон возник на моём горизонте ясным тёплым утром, когда я, покончив с делами, прилегла в тени, болтая с Недом. Друг выглядел подавленным.

– Я знал, – грустно сказал он, – что смерть для корсара неминуемая неприятность, но как же не хочется умирать.

Я вытаращила глаза.

– А с чего ты взял, что умрёшь? Капитан умён, он что-нибудь придумает.

– Надеюсь.

Голос Неда звучал уныло.

– После ухода «Валькирии» нас осталось слишком мало. Если не произойдёт чуда, испанец дождётся подкрепления, войдёт в озеро, и вздёрнет всех на нок-рее.

Похлопав товарища по руке, я сказала бодрым голосом:

– Не хорони нас раньше времени, всё ещё может измениться.

И оказалась права.

– Простите, господа, – прозвучал незнакомый голос с сильным акцентом, – вы моряки или местные жители?

Мы подскочили. Над нами стоял юноша в камзоле, сшитом по испанской моде, и дорогих, но сильно сбитых башмаках. Выглядел он так, словно долго шёл пешком, в

потухших глазах светилась усталость. Я бы дала молодому человеку лет пятнадцать-шестнадцать: его подбородок и верхнюю губу окаймлял лёгкий пушок, и рядом с ним даже двадцатитрёхлетний Нед казался взрослым мужчиной.

– Моряки, – ответила я.

Мальчик вспыхнул от радости.

– Вы плаваете с Генри Мак-Гиллом?

Мы дружно кивнули.

– Не могли бы вы представить меня капитану?

Нед поднялся.

– А вы кто?

В глазах юноши мелькнуло беспокойство, руки его задрожали, но он справился с собой.

– Я дон Альваро – племянник дона Антонио де Арагона. И мне необходимо встретиться с Мак-Гиллом.

Во взгляде Неда появилась неприязнь, смешанная с недоверием. Подойдя к испанцу, он обыскал его. Никакого оружия, кроме шпаги, у того не оказалось, и моряк поинтересовался:

– Зачем вам нужен капитан?

– Хочу помочь ему вырваться из ловушки, устроенной моим дядей.

При этих словах лицо дона Альваро потемнело. Мы переглянулись.

– Идём, – неохотно согласился Нед.

И направился к «Амелии».

Дон Антонио, возмущённый поведением племянника, рвал и метал. Сначала они поссорились из-за того, что адмирал не сдержал слова, данного Готье, и не выпустил «Валькирию» в море, собственноручно вздёрнув капитана и каждого второго из команды. Нельзя сказать, что дон Альваро сочувствовал предателю, но у него имелись твёрдые понятия о чести и уверенность, что обещания надо выполнять.

Дона Антонио привело в бешенство противодействие мальчишки решению, которое сам он считал правильным. А потом возникла новая проблема: тот исчез, и дядя опасался, что его захватили в плен. Адмирал отправил людей на поиски строптивца, а когда они не привели к результату, стал ждать.

И дождался. Индеец привёз ему письмо Генри Мак-Гилла, в котором капитан сообщил, что племянник де Арагона де Лерма находится на борту его судна в качестве

заложника, и предлагал отпустить юношу после того как пиратским кораблям будет открыт выход в море.

Злобно усмехаясь, дон Антонио написал ответ, суть которого сводилась к следующему: он – испанский гранд ставит интересы Испании выше семейных. И поэтому с великим сожалением отказывается от любезного предложения корсара, прекрасно понимая, что тем самым обрекает дону Альваро на смерть.

Через полчаса послание доставили на «Амелию». Когда собравшиеся ознакомились с его содержанием, в капитанской каюте воцарилась тишина. Мак-Гилл обводил взглядом понурившихся офицеров, на лицах которых читалось отчаяние. Они ошиблись, думая, что родственные отношения их добровольного пленника и адмирала сыграют на руку флибустьерам.

Молодой испанец сидел, опустив голову. Капитан подошёл к несчастному и, с сочувствием глядя на него, положил ладонь ему на плечо. Взглянув на Мак-Гилла, тот попытался что-то сказать и вдруг зарыдал. Никто не успокаивал мальчика, понимая, что в этот момент он расстаётся с последними иллюзиями в отношении собственного дяди. Я, прильнувшая глазом к широкой дверной щели, тоже прослезилась, понимая, как тяжело сейчас бедному ребёнку. Капитан сел рядом с ним.

– Не тревожьтесь, дон Альваро, – мягко сказал он, – смерть вам не грозит. Вы пытались помочь, это не удалось, что ж, мы найдём другой способ.

Юноша покачал головой.

– Лучше умереть, чем пройти через такое, – подавленно сказал он. – Более для меня не существует ни моей семьи, ни Испании. Прошу вас, капитан, возьмите меня в команду. Плавая с бывшим родственником, я многому научился и смогу стать вам полезным.

Мак-Гилл задумался.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Как и наш новый юнга, вы поступаете в распоряжение моё и офицеров, но в кубрике с командой вам находиться нельзя. Корсары не знают всех обстоятельств и не доверяют испанцам. Поэтому вам помогут обустроиться в каюте, находящейся рядом с моей.

– Мне не нужно ничего сверх того, что есть у других, – грустно сказал Альваро. – Но вы правы, и ваши опасения обоснованы. Я буду осторожен.

Капитан, кивнув, хотел отпустить людей, но тут испанец задал вопрос, услышав который, я похолодела:

– Сеньоры, позвольте поинтересоваться, с каких пор на кораблях корсаров юнги – девушки? Разве на Тортуге мало мальчиков?

Мак-Гилл и другие на несколько секунд замерли, а после покатались со смеху. Вытирая слёзы, Коу сказал:

– Дон Альваро, Нико очень юн, потому и выглядит таким нежным. Но мальчишка он боевой и обязанности свои выполняет хорошо, все им довольны. Вы ошиблись.

Переговариваясь и ухмыляясь, офицеры покинули каюту капитана. Испанец не стал возражать, но недоверчиво покачал головой, а я поняла, что раскрытие моего инкогнито – дело времени.

Теперь для меня стало главной целью – уплыть с Маракайбо живой, не став игрушкой команды, которая наверняка изменила бы отношение ко мне, узнав, кто я на самом деле. Вернувшись на Тортугу, я смогу оплатить переезд в Англию, Францию, Италию, к чёрту на кулички. А чтобы поскорее уйти из проклятого озера, надо осуществить мой план. Осталось только поделиться своими соображениями с капитаном. Решившись, я постучала и вошла.

Дон Альваро смотрел на меня во все глаза, ища во внешности и поведении подтверждение своих слов. Стараясь не обращать внимания на его пронзительный взгляд, я сказала:

– Сэр, не позволите ли вы с вами поговорить? У меня есть идея, как нам вырваться отсюда.

Капитан пожал плечами.

– Почему бы и нет, – ответил он. – В нашей ситуации любая толковая мысль может оказаться спасительной.

– Но я хотел бы побеседовать с вами с глазу на глаз.

– Ты не доверяешь господину де Арагону?

Я отрицательно мотнула головой.

– Не то чтобы, но...

– Вы не возражаете, дон Альваро? – обратился к тому Мак-Гилл.

– Нисколько, – поднимаясь, ответил тот.

Капитан поручил Джону показать новому члену команды его каюту и жестом пригласил меня занять место напротив.

– Позвольте сначала задать вопрос, сэр? – скромно попросила я. – Скажите, вы не намеревались под покровом темноты напасть на эскадру де Лерма, используя позаимствованный нами шлюп в качестве плавучей бомбы?

Вскочив, Мак-Гилл, со страхом уставился на меня, а я мысленно хихикнула, подумав, что, пожалуй, только мне удалось напугать бесстрашного авантюриста.

– Как ты об этом узнал? – хрипло поинтересовался тот.

Я хмыкнула.

– Так же, как и о просчёте Готье. Мне диктует бог.

Капитан рухнул в кресло.

– И что ты можешь сказать по поводу этой атаки?

– Мысль неплоха, но.... Дело в том, что адмирал перевооружил форт на Лас-Паломас, укрепив его с помощью пушек, взятых из форта Кохеро. Мы нанесём серьёзные повреждения кораблям противника, но вырваться в море не сможем. Мало того, огнём орудий будет повреждена «Виктория», и нам придётся потратить не один день на ремонт.

Мак-Гилл пристально посмотрел на меня.

– Так что же ты предлагаешь?

Я поделилась «своими» мыслями. План оказался настолько прост и эффективен, что лицо капитана просветлело.

– Но, несомненно, – добавила я, – необходимо сделать вылазку. Я в это больше вмешиваться не стану, а вы, сэр, выберетесь туда с кем-нибудь из офицеров, и все лавры в случае нашего спасения отдадут вам.

Капитан задумчиво накручивал на палец локон парика.

– А почему ты хочешь скрыть своё в этом участие?

– У меня есть на то причины, но я предпочёл бы о них умолчать, – прозвучал ответ.

– Кстати, дон Альваро наверняка неплохо знает обстановку. Уверен, он станет хорошим проводником.

– Я подумаю об этом, – сказал Мак-Гилл, всё ещё размышляя над моими словами.

В каюту заглянул Коу.

– Генри, – растерянно сказал он, – к тебе рвётся вице-губернатор дон Франсиско.

Пустить его?

– Да, конечно, – возвращаясь в реальность, ответил капитан.

И повернулся ко мне.

– Нико, – сказал он, – если мы, благодаря твоей выдумке, сумеем уйти, я присвою тебе офицерский чин.

Поддавившись воздухом, я отчаянно замотала головой.

– Ни в коем случае, сэр! Прошу, пообещайте, что вы этого не сделаете.

Мак-Гилл долго молчал, с любопытством меня рассматривая.

– Хорошо – согласился он наконец.

С облегчением вздохнув, я покинула каюту, разминувшись в дверях с доном Франсиско – маленьким, тщедушным человечком, выглядевшим очень напуганным. Очутившись на палубе, я нашла Неда, сбившегося с ног, отыскивая меня, и, выслушав его ворчливые претензии, заявила:

– Мне надо рассказать тебе нечто важное, но это должно остаться между нами.

Он кивнул.

– Ладно. Спустимся на берег?

– Да. Боюсь, здесь найдутся любопытные уши, что нежелательно. Пойдём.

И мы направились к сходням.

Глава 8

Под пальто начал забираться холод, заставляя Нику ёжиться и остужая взбудораженный воспоминаниями мозг. Стряхнув сонное оцепенение, женщина направилась ко входу и у двери столкнулась с Дмитрием Александровичем.

– Вы так долго работаете? – удивилась она.

Врач улыбнулся.

– На мне лежит большая ответственность. В том числе и за вас. И, кстати, я прочёл кое-что из ваших трудов.

– Бред сумасшедшего?

– Я бы не сказал. Очень интересные, добротные истории. Но.... Вы уверены, что это не фантазия?

Ника пожала плечами.

– Думайте, что хотите, – с некоторой обидой ответила она, – но я не имею обыкновения лгать. Считаю, что ложь *деструктивна* и дурно влияет на карму того, кто её произносит.

***Деструкция* (лат. destructio) – нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо.**

– Я ни в коем случае не обвиняю вас в обмане! – возмутился врач. – Но, возможно, вы сами верите в свои исчезновения и...

– Тогда я точно ненормальная, – прервала Ника, – и попала по адресу.

Оба замолчали, чувствуя неловкость.

– Скажите, Дмитрий Александрович, – нарушила тишину женщина, – вы заметили что-нибудь странное, когда я находилась у вас в кабинете? На мгновение мне показалось, что вот-вот начнётся приступ, но всё неожиданно закончилось. А в эти моменты я, наверное, должна преобразаться.

Поколебавшись, собеседник решился:

– Вы не изменились, но тело ваше начало растворяться и исчезать в радужных всплесках.

– Вот как?!

Ника была несколько шокирована.

– Не знала. И, несмотря на это, вы всё-таки мне не верите? Вы настолько реалист?

– Как раз нет.

Помявшись, врач предложил:

– Давайте поднимемся ко мне и поговорим. Ужин вы, похоже, пропустили, поэтому я вас накормлю. Надеюсь, после здешней не слишком вкусной еды моё меню вам понравится.

– После неё понравится, что угодно, – открыто улыбнувшись, произнесла женщина.

А Дмитрий залюбовался её ожившим и похорошевшим лицом.

– Да она просто красавица! – подумал он восхищённо. – Странно, что при такой внешности и уме до сих пор не нашёлся претендент на её сердце.

А вслух спросил:

– Ну, что, идём?

Ника колебалась.

– Я бы с удовольствием, но ведь разговор займёт некоторое время, а вас, наверное, семья заждалась.

– У меня никого нет, – откликнулся он, – так уж получилось.

– Странно, – удивилась женщина, – при такой-то внешности и уме... Хотя, всякое бывает.

И кивнула.

– Что ж, я только «за».

Оба поднялись на второй этаж, и психиатр, отперев дверь, с лёгким поклоном пропустил Нику вперёд. Разогрев в микроволновой печи две порции добытого из холодильника плова, он поставил одну перед гостьей. Проглотив ложку предложенного угощения, Ника почувствовала, как рот наполняется слюной, и ей пришлось одёрнуть себя, чтобы жадно не накинуться на еду.